

Кристина Устинова

Клуб для молодых писателей

16+

Кристина Устинова

Клуб для молодых писателей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67927421

SelfPub; 2022

Аннотация

После смерти бабушки Йозеф Ренау сдает комнату, и на объявление откликается студент и поэт, Иосиф Яффе. Вроде бы обычный парень: творческий, тихий, спокойный... Вот только приключения его стороной не обходят, увы!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	48
Глава 4	75
Глава 5	94
Глава 6	107
Глава 7	121
Эпилог	136

Кристина Устинова

Клуб для молодых писателей

Арбайтенграунд (Южный округ), 1947 год

Примечание. Совершеннолетие в Арбайтенграунде и Нордеграунде наступает с семнадцати лет.

НРП (Народная рабочая партия, 1921—1990 гг.) – единственная легальная политическая партия в стране.

Прожиточный минимум – 5 марок в месяц (установлено в законопроекте о финансовом благополучии граждан в 1924 году).

Глава 1

Поэт и его дама сердца

1

Каждые два месяца в южно-окружной газете «Здесь и сейчас» появляется вот такое объявление:

«Сдается комната в Коммунистическом районе; д. 123, кв. 21, второй этаж.

В пяти минутах ходьбы находятся магазин продуктов, аптека и прачечная. Предусматривается автобусная остановка с транспортом по маршрутам: “Ком. район – Птичий квартал – Ульрихштрассе”, “Ком. район – Андреплатц – Плюшкинская улица” и т. д.

Предоставляется отдельная комната со всеми удобствами: туалетом, горячей водой, отоплением и электричеством. Стоимость проживания зависит от кол-ва арендаторов: 1 человек – 3 марки в месяц, 2 человека – 6 марок в месяц (не более двух жильцов).

Требования:

1. Не принимаются лица без гражданства, с суммой дохода меньше прожиточного минимума.
2. Не принимаются лица, имеющие судимости.

3. Не принимаются семьи с маленькими детьми.

4. Не принимаются лица с психическими или физическими отклонениями.

А также:

- нельзя устраивать посиделки и вечеринки с 23:00 до 10:00;

- нельзя приводить гостей, не уведомив заранее арендодателя;

- обязательно подписывать продукты в холодильнике;

- не играть на музыкальных инструментах;

- не брать чужие вещи без разрешения;

- **платить вовремя!** Долги и обещания “завтра оплачу” не принимаются;

- не приводить домашних животных;

- заранее предупреждать о переезде.

Телефон: *****.

Йозеф Г. Ренау»

В последнее время чужие люди в доме Йозефа не редкость – так уверяли соседи. Зачем молодой человек, которому пришлось променять учебу на фабрику, сдавал комнату за деньги? Таким вопросом задавались старики, большая часть из которых – друзья и соседи его покойной бабушки. Они знали семью Ренау. Много лет назад девушка, – точнее, еще только подросток на тот момент, – бросила грудного Йозефа на попечение своей матери, а сама уехала в неизвестном направлении вместе с кавалером. Жила маленькая семья худо-бедно.

но, денег не хватало: кредиты, жизнь на пенсию... Юноша еще со школы работал, бабушку любил и заботился о ней до самой смерти. Старушка умерла год назад от инфаркта.

Вообще, квартира была двухкомнатной, просторной, однако небольшой. В детстве у Йозефа складывалось впечатление, будто он живет в гусенице. Его комната смежная с гостиной, которая до недавних пор была также бабушкиной спальней. Дальше она разветвлялась на две части: кухню и прихожую, где сбоку, у самого прохода, располагались ванная и туалет. По сути, можно уединиться либо там, либо в комнате, хотя через стенку слышно, как льется из душа вода. Иногда приходилось воздерживаться от купания и не включать радио в обед, пока бабушка спит чутким старческим сном. Ренау провел в комнатке свое детство. После смерти близкого человека он выкинул все старые вещи с игрушками, а наиболее ценные и целые переложил в бабушкин шкаф. Спустя сорок дней Йозеф поместил свое первое объявление в газете.

Но зачем? Бизнес? Сексуальная неудовлетворенность? Потребность в общении? События?

Вот здесь обычно открытый Йозеф говорил так, без лишних подробностей: «Деньги нужны – и все тут». – «А на что нужны рабочему деньги? Лекарства есть, одежда есть, еда есть».

Ренау в большинстве случаев отмалчивался: меньше пускай знают, не ихнего ума дело.

Пожалуй, сплетни – вершина айсберга проблем. Он в свои двадцать три года чуть не поседел и те правила в газете не зря выставлял, даже платил редактору деньги за грамотное оформление. Подобные личности, которые не соблюдали требования, приносили ему много хлопот: начиная с гнетущих счетов и шума, заканчивая недовольством соседей и даже их собранием по поводу выселения. Пускай арендаторы знают, с чем сталкиваются, а устраивают их условия или нет – арендодателя не волнует.

Особенно тревожно Йозефу за сбережения. Не доверял он банку, поэтому прятал их в маленькую синюю коробку из-под печенья, и хранилась она в глубинах шкафа, в вещах. Полкой выше стояли белые от пыли книги, сбоку – отдел с верхней одеждой. Накопилось уже десять марок – денег немало, но не достаточно. Пять на госпошлину и на дорогу, так как прямого рейса поездом нет, точно уйдет, а остального при экономии хватит от силы на неделю. Нужно как минимум еще пять марок, чтобы до двух дотянуть. Море, солнце, пляж – хоть какие-то впечатления останутся под старость лет.

Уже скоро, а пока надо потерпеть чужих людей и небольшие траты за размещение объявления в газеты – так надежнее и быстрее. Потом Йозеф завяжет с арендой: слишком хлопотно. Зато он сможет хотя бы в первый и последний раз за всю небогатую жизнь отдохнуть. Пока Ренау молодой и силы есть.

Вот однажды сказал он коллеге по цеху: «Эх, один раз живем!»

2

Обычно люди откликались только через неделю или пять дней, но на этот раз позвонили спустя сутки, вечером, когда Йозеф вернулся с работы. Он взял трубку.

– Алло.

– Здравствуйте, – затараторил голос на другом конце провода. – Я по поводу объявления. Вопрос еще актуален?

– Да.

– О, замечательно. Можно я к вам завтра зайду? Вы же в субботу не работаете?

– Нет. Сначала представьтесь.

– Иосиф Яффе.

– Мигрант?

– Нет.

– Один?

– Да. Мне надо как-то добираться до института имени Гете, вот и позвонил вам.

– Студент, значит.

– Да. Наши общежития все забиты, желающих много... Если честно, мне также хочется иметь собственный угол, вот поэтому я и ищу хотя бы отдельную комнату. Условия в газете читал и могу заверить: не переживайте, я человек тихий.

Йозеф вздохнул.

– Надеюсь. Ладно, завтра жду вас с часу до трех, не раньше и не позже.

– Понял вас. До завтра.

Ренау положил трубку, принял душ, лег под прохладное одеяло и закрыл глаза. «Боже, уже заявляются, – подумал он. – Студенты эти, будущие чертовы филологи! А сейчас как раз учебный год начинается. Вечеринки, пьянки, один ветер в голове, ведь жили у меня две студентки, устроили погром. Ладно, посмотрим на новенького. Но мне уже не нравится...»

С такими мыслями арендодатель заснул.

Едва время подошло к часу дня, как в дверь постучали. Йозеф, который спросонок пил чай, накинул халат и пошаркал в тапочках до прихожей. В первое время он к приходу гостей надевал недорогой костюм и галстук. Однако со временем арендаторы стали привычными посетителями, так что с каждым новым жильцом Йозеф все меньше и меньше заморачивался – иногда и в трусах мог выйти, если комнату снимала не девушка и не дуло из подъезда.

На пороге же стоял юноша чуть младше Йозефа. В отличие от него, широкоплечего светловолосого рабочего со шрамом на щеке (результат пьяной драки в баре), Иосиф Яффе выглядел маленьким; черные кудри облипали щеки, очки все время съезжали на кончик носа. Из-под пальто выгляды-

вал воротник свитера, и казалось, будто шея тоньше, чем на самом деле. Однако лицо выглядело совсем недетским: спокойным и даже надменным, подбородок задран кверху.

– Здравствуйте, я к вам, – бесстрастно сказал Иосиф Яффе. – Я по поводу квартиры.

Йозеф кивнул и повел его в комнату – в небольшое помещение, где стояли только кровать, стол, стул и шкаф с зеркалом на дверце в полный рост. Иосиф молча осмотрел мебель и сказал:

– Угу, сойдет. Вещей у меня немного, все поместится.

Затем они направились в ванную комнату. Йозеф показал отдельную полку для принадлежностей, дабы потом не возникало путаницы, на что Иосиф кивнул.

– Это замечательно, герр Ренау. Я рад, что вы заботитесь о других.

Йозеф поднял бровь.

– В смысле?

– За гигиеной следите. Представьте, что было бы, если бы мы с вами хранили зубные щетки в одном шкафу: там и так влажно, а тут еще прибавится целый рассадник бактерий. И с бритвами так же.

Йозеф усмехнулся.

– А как ты тогда ешь в столовой? Там же все из одной миски жрут.

– Не спорю, тарелки моют плохо, да и еда невкусная. Я ношу ее с собой.

Они вернулись в гостиную. На вопрос арендодателя «Ну как?» студент-филолог еще раз огляделся и сказал:

– Мне здесь нравится, герр...

– Называй меня Йозеф.

– Хорошо... Йозеф. Меня все устраивает, претензий нет.

– Я рад. Только главное – это чтобы ты не нарушал правила, особенно что касается гостей. Иначе прогоню.

– Не переживай, у меня все равно друзей немного. Есть у меня один человек... – Он улыбнулся. – Я вас заранее извещу, когда она придет в гости.

– Подружка, что ль?

– Я предпочитаю говорить «дама сердца».

– У, тогда уж извини. Хорошо, только вы, это, если она на ночь вдруг заглянет, потише там.

Иосиф нахмурился.

– Мы не устраиваем подобных пошлостей, Йозеф.

– Понял, – сказал арендодатель, едва сдерживая смехок.

«И как она выносит тебя?» – подумал он.

За чашкой чая они разговорились.

– Расскажи о себе, – сказал Йозеф. – Чем занимаешься, помимо учебы? Где работаешь?

– Ну, я вообще из Битенбурга приехал, с родителями жил. Так уж получилось, что я прошел в институт Гете по баллам, поэтому решил учиться именно здесь. Родители дали денег на первое полугодие, а там уже планирую работать. Вообще, немного у меня есть от журнала «Культура», но там гроши

– максимум полторы марки в месяц, если присылать в редакцию каждую неделю по одному произведению, а вместе с учебой не всегда остается время на творчество.

– Ты пишешь?

– Да, стихи.

– Ого, поэт! Расскажи чего-нибудь. Я в стихках не особо разбираюсь, далек от высокого, но не прочь послушать.

Иосиф потер подбородок.

– Ну... А, вот. Посвящено моей *даме сердца*. Слушай:

Я гладил твои руки,
Мягкие, как шелк,
Я целовал твои губы,
Нежные, как цветок.
Я люблю тебя всем сердцем,
Как лучик в небе сером.
Я хочу с тобою быть,
Нас связывает с тобою нить —
Нить любви и добра,
Душевной теплоты.

– Любовь – самая лучшая и вечная муза для поэта, Йозеф. Ренау прыснул, поэт нахмурился.

– Смейся, смейся. Я тоже раньше смеялся, считал это слишком... банальным. Но потом я понял, каково это – *любить*.

Йозеф заржал во всю глотку, Иосиф затих. Больше они на эту тему не говорили.

Дальше пошли формальности: подписали договор пока на полгода, хотя Иосиф и уверял, что проживет здесь все четыре года обучения. Йозеф задумался. Если этому студенту можно будет довериться, то он уедет и оставит квартиру на него, а потом поэт может жить столько, сколько захочет. Если он, конечно же, не доставит хлопот, в чем Йозеф не сомневался: не каждый вытерпит его лепет про любовь и отдельное хранение бритвы.

Иосиф оплатил аренду на месяц вперед, и завтра он должен приехать сюда вместе с вещами.

3

Прошло несколько дней, началась первая учебная неделя. Иосиф и Йозеф виделись только по утрам и вечерам, остальную часть дня никого дома не было. После ужина поэт обычно запирался в комнате: либо писал стихи, либо учился. Пожалуй, давно Йозефу не попадался такой спокойный сосед: не шумит, радио слушает тихо, ложится спать ровно в десять, а свободное время проводит в основном за книгами. Иногда они вдвоем беседовали. Йозеф за бутылкой пива рассказал ему про детство и бедность. «Было тяжело, – сказал однажды он, – но зато сейчас мне хватает на жизнь. Тебе бы, кстати, не помешало выбраться из-под родительского кры-

лышка. Легче потом жить будешь». Иосиф никогда не перебивал его, пил чай и молча кивал, а затем уходил писать стихи.

Так постепенно приближались выходные. Вечером пятницы, когда Йозеф после работы принял душ и уселся перед радио, к нему подошел Иосиф и сказал:

– Можно завтра ко мне придет Жозефина?

– Кто-кто?

– Дама моего сердца.

– А, ну да, пускай.

– Спасибо. Я как раз ей кое-что сочинил. Послушай:

Целовал я твои уста,
Руки твои меня обнимали,
Я прижимал к себе твой стан,
Чувствовал шелк под пальцами.

Йозеф улыбнулся.

– Интересно уже взглянуть на твою любовь.

Поэт посмотрел на него поверх очков.

– Только без шуток, прошу тебя. И не смей ходить перед ней в трусах, она дама приличная.

Ренау рассмеялся.

– Господи! Ради нее я напялю костюм.

Иосиф кивнул и удалился к себе.

По его словам, Жозефина Куглер обещала прийти в шесть. За это время мужчины прибрались, Иосиф накрыл стол, приготовил стейк и купил вино и сок (для себя), а Йозеф встряхнул ковер и надел чистый костюм. Наконец ровно в шесть постучали. «Наверняка она такая же зануда, как и он», – подумал Йозеф, открывая дверь. Едва он увидел даму сердца, все мысли тотчас же вылетели из головы.

На пороге стояла женщина лет примерно пятидесяти, в шелковом черном платье до колен. Кружева юбки, которые скромно выглядывали из-под кардигана, сверкали при свете ламп, рукава слегка обнажали морщинистые тонкие руки с вздувшимися венами. Темные волосы с сединой собраны в пучок. На овальное лицо с впалыми щеками нанесен такой слой пудры и румян, а глаза так ярко обведены, что со стороны гостя казалась актрисой какого-нибудь любительского театра. Йозеф поколебался с минуту, пока Жозефина не привела его в чувство; в голосе с возрастом не пропала та мелодичность и нежность, словно за нее говорила девушка в самом расцвете сил:

– Здравствуйте, Иосиф дома?

– А? Да-да, проходите.

Шурша платьем, Жозефина прошла внутрь, и Йозеф закрыл дверь. Иосиф страстно поцеловал гостью в губы, помог снять кардиган и за руку проводил ее до комнаты.

– Тебе идет черное платье, дорогая, – говорил он. – Ты в нем выглядишь изумительно.

«Оно тебя молодит, – подумал Ренау и скрыл усмешку рукой. – М-да, Иосиф, мальчик мой, не видел ты, похоже, красивых девушек... Эх, бедняга!»

Они втроем прошли на кухню и сели за стол. Ближайшие полчаса пролетели за ужином. Иосиф рассказывал о первых впечатлениях в институте, Жозефина поддакивала ему и смеялась, а Йозеф молча уплетал стейк. Потом они заговорили о творчестве, и она сказала:

– А как твои стихи? Получаешь за них что-нибудь?

– Ну так, немного...

– Ты их кому-нибудь читаешь, хотя бы в институте?

Иосиф заколебался.

– Ну, только Йозефу, тебе и иногда кое-что присылаю по почте родителям.

Жозефина подняла бровь.

– И все?

– Я пишу для себя, а не для народа.

– Но приятно же, когда говорят о тебе. Более того, чем больше спрос, тем выше гонорар. А так есть вероятность, что тебя – уж прости за это, но говорю как есть – вытеснит из журнала более успешный автор.

Он поник.

– А ведь и верно, дорогая. И что ты предлагаешь?

Она улыбнулась и накрыла его ладони своими.

– У меня есть замечательная новость. Недавно, месяц назад, открыли молодежный клуб как раз для творческих лич-

ностей, в основном для писателей. Там все: и романтики, и битники, и футуристы, и прочие. Я хотела раньше сказать, но пока неудобно было: ведь ты готовился к вступительным. Может, сейчас пойдешь туда? Не нужно иметь какие-то связи, это абсолютно бесплатно. Мой сын управляет там, он директор.

Йозеф едва не подавился стейком и быстро опустошил бокал, откашлялся. «Надо же, еешний сын – почти ровесник Иосифа! – подумал Ренау. – Интересно, а он в курсе?»

Иосиф пробормотал:

– Право, я даже не...

– Ну же, соглашайся, – сказал Йозеф, заинтригованный делом. – Тьфу, такой шанс дают, а ты его в помойку!

Он поднял брови.

– Йозеф, я даже не думал, что ты этим так заинтересован.

– Ну да.

– Ладно... Ладно. – Он встал. – Хорошо, я пойду. Посмотрю, что там.

– И правильно, – сказала Жозефина и улыбнулась. – Клуб расположен в Птичьем квартале, дом восемьдесят шесть. На первом этаже библиотека, клуб работает по выходным, так как молодежь учится. Позвони туда. А еще с моим сыном познакомишься – он такой хороший человек!

Йозеф прикрыл рот рукой, дабы сдержать смех. Между тем Иосиф еще раз поблагодарил даму сердца и поцеловал ее.

Она вскоре ушла, а поэт, который от возбуждения не мог уснуть, общался с Йозефом. Они сидели в гостиной; арендодатель напился и в полудреме слушал его стихи, пока окончательно не заснул. На следующее утро он проснулся от того, что Иосиф ходил взад-вперед, приложив к уху трубку.

– ...Значит, встреча будет сегодня в шесть часов? Угу, я понял вас, спасибо. А в чем приходиться? Не знаете... Ага, понял. Ладно, еще раз спасибо. Угу, до свидания.

Он положил трубку. Йозеф потер покрасневшие глаза и посмотрел на часы: девять утра, библиотека только-только открылась. Иосиф, несмотря на то что полночи провел на ногах, выглядел бодрым и счастливым.

– Я так волнуюсь, – сказал он, повернувшись к мрачному Йозефу. – Думаешь, им понравятся мои стихи? Я думаю, битникам и футуристам нет – ну и черт с ними. А вот символисты, надеюсь, оценят. А ты как считаешь?

Вместо ответа Ренау кинул в поэта диванную подушку.

За полчаса до начала Иосиф надел свой лучший костюм, который сохранился еще со старших классов. Черный пиджак оттеняла белая рубашка, застегнутая на все пуговицы; воротник, обтянутый галстуком, слегка сдавливал горло, но терпимо. Иосиф еще раз покрутился перед зеркалом и во-

шел в гостиную. Йозеф слушал радио и пил пиво. На вопрос «Ну как я выгляжу?» он усмехнулся и сощурил один глаз.

– Щегол! Ну куда ты так вырядился, как на оперу? Я больше чем уверен: там все в одних кофтах и жилетах сидят.

Поэт насупился.

– Первое впечатление самое важное.

– Угу, бесспорно, только ты выглядишь уж слишком... чопорно, что ль? Навряд ли тебя оценят в таком кругу, это же не элита. Оденься по-простому – вот, у тебя уже вены на шее вздулись.

Иосиф поймал себя на мысли, что действительно приоткрыл рот, ослабил галстук, но проигнорировал совет. «Бедняга, – подумал поэт. – В свои двадцать три уже так проводит вечера: сидит себе да пиво пьет. И к кому я обратился за советом? Ладно, так пойду».

Накинув пальто, он направился на остановку и через десять минут уже стоял перед входом в библиотеку имени Германа Гессе. Это трехэтажное здание напоминало нечто среднее между музеем и театром, с колоннами и дубовыми дверями. На крыльце потихоньку собирался народ, преимущественно юноши и девушки не намного старше Иосифа. Он поджал губы. Действительно, все выглядели довольно просто: из-под распахнутых курток и пальто выглядывали свитера и помятые рубашки без галстуков. «Буду выглядеть на их фоне как официант», – подумал Иосиф.

– О, привет! – вдруг раздалось у него за спиной. – А ты

наш новый член клуба? Мне тут секретарша передавала.

Поэт обернулся. Перед ним стоял юноша на голову выше его, в таком же распахнутом пальто и в жилете; ветер трепал каштановые волосы, а вытянутое лицо покраснело от его порывов.

Иосиф улыбнулся и протянул руку.

– Да.

Собеседник пожал ее в ответ.

– Очень рад. Я директор клуба, Ульрих Куглер.

«О-о, – подумал поэт, – вот и сын Жозефины. Ах да, она же показывала мне фотографии... Интересно, он знает о наших отношениях? Как-нибудь спрошу».

Ульрих повернулся к остальным и крикнул:

– Ну, проходим, проходим! Дверь открыта.

– Что ж, друзья, у нас новенький – Иосиф Яффе.

Иосиф поправил очки, встал и кивнул, словно артист перед выступлением. Члены клуба расселись на свои места, кто где сел: на кресла, диваны, некоторые уселись прямо на столах, но многие по большей части стояли. Иосифу же повезло: Ульрих специально занял для него место возле себя. Помещение клуба располагалось на втором этаже библиотеки и в основном служило хранилищем, так как в подвале было тесно. Повсюду стояли стеллажи с книгами и коробками с обозначением жанра или писателя, а мебель Ульрих покупал на свои деньги еще до открытия клуба. Пахло пылью, ведь ни-

кто уборкой особо не занимался и в будние дни помещение не проветривалось. Окна открывали по выходным на целый день; ощущалась прохлада, особенно дуло по полу. Кроме мебели и стеллажей с коробками, по стенам развешаны фотографии известных современных писателей, а на одной из стен красовался стенд с бумагами и грамотами, сверху значилось: «**“Глазами молодежи” – клуб для свободных!**»

Когда директор произнес новое имя, слышались аплодисменты и шепот, девушки косились на нового члена клуба.

Иосиф сел, и Ульрих повернулся к нему.

– А теперь расскажи, чем ты занимаешься?

– Пишу стихи, – громко отчеканил поэт, словно на допросе.

– Давно ли?

– С тринадцати лет, скоро уже пятый год будет.

– Издаешься?

– Да, в журнале «Культура».

– В каком направлении пишешь?

– Романтизм.

– А ну-ка, прочитай что-нибудь.

Иосиф достал из кармана сложенную бумажку, развернул ее и прочитал:

Иду я по полю зеленому,

Далекому, пустынному;

Вижу – идешь ты,

Улыбаешься дивному солнцу.

Трава шуршит под ногами,
Волосы в лучах блестят,
И вихрь развивает твоё платье.
На горизонте вступает заря.

Мы смотрим на рассвет,
А время нейдет,
Но я знаю, миг скоро пройдет,
И плачу, глядя на рассвет.

Снова слышался шепот, Ульрих кивнул.

– Неплохо, действительно неплохо. Скажи, в чем секрет
твоей музыки?

– Она сама ко мне приходит раз в неделю, иногда я к ней
хожу, – сказал поэт и улыбнулся.

– Как ее зовут?

«Соврать? – подумал Иосиф, продолжая улыбаться. – Ну
не могу же я в первый день знакомства вот так при всех ска-
зать о его матери. Лгать тоже не хочу. Это что же получается
– лжец с порога?.. Ладно, у меня идея».

– Жозефина.

Ульрих рассмеялся.

– Мою маму тоже зовут Жозефина. М-да, красивое имя.
Что же она с тобой не пришла?

– Она не интересуется особо искусством.

– А на чаепитии она будет?

Иосиф поднял бровь.

– Какое чаепитие?

– Тебе разве не сообщили? У нас завтра будет чаепитие в честь прошедшего дня рождения клуба. В первые дни у нас была суматоха: набрать людей, вложить деньги в ремонт... Короче, не до праздников, и вот сейчас все стабильно, дела идут, и мы решили на днях, так сказать, наверстать упущенное. Приглашаем всех желающих, можешь как раз прийти со своей второй половинкой. – Директор подмигнул. – Начнется праздник в пять, прошу всех не опаздывать! – обратился он к залу.

Члены клуба закивали и пообещали прийти. Иосиф снова задумался: «Ого, чаепитие! Как я удачно попал. Но что скажет Жозефина? Надо будет потом ей позвонить». Впрочем, мысли тут же вылетели из головы, ведь дальше пошли обсуждения новых направлений, стихи за эту неделю и просто светские новости. Иосиф общался по большей части только с Ульрихом. Как и рассказывала Жозефина, он учится в юридическом институте, уже сожительствует с одногруппницей и давно съехал от матери. Общались они достаточно редко, мать не особо откровенничала с ним. Уже пятнадцать лет прошло со смерти мужа, и одинокая женщина сейчас пытается наладить свою личную жизнь. Ульрих не углублялся в детали и, поморщившись, неожиданно замолчал. Иосиф не

стал допытываться, дабы не вызывать подозрений. В целом вечер прошел хорошо, поэт вернулся домой только в одиннадцатый, когда уже час он должен быть как в постели. Йозеф давно спал в кресле, прижимая к себе, словно плюшевого мишку, пустую бутылку из-под пива.

5

На следующее утро Иосиф встал позже обычного. Йозеф, который уже бодрствовал, спросил о вчерашнем вечере. Поэт рассказал об Ульрихе и спросил, что ему делать. Ренау пожал плечами и сказал:

– А в чем проблема? Возьми и приди. Я сомневаюсь, что там все знают Жозефину в лицо.

– Просто получится, мягко говоря, неловкая ситуация. Видно же, что личная жизнь матери – большая тема для него.

– Ну, тогда поговори с Жозефиной, хотя я не вижу здесь проблемы.

Иосиф задумался и подошел к телефону. Жозефина сразу взяла трубку, и поэт рассказал ей о вчерашних событиях.

– Ну да, он о тебе еще не знает, – сказала дама сердца. – Ничего, скажу. Он ведь не маленький уже.

– Просто тут еще одна проблема: он же директор, может меня выгнать.

– Поверь, ради меня он точно не посмеет этого сделать. К тому же что он тогда скажет остальным на вопрос: «Куда

подевался наш новый друг?» Не скажет же он им правду. Так что я с ним поговорю.

– Спасибо.

Как бы ни отпирался Иосиф, Йозеф же решил составить ему компанию для поддержки. Но как же Ренау скажет ему истинную причину? На самом деле он хочет посмотреть, чем закончатся такие страсти. К тому же все равно дел нет. Иосиф согласился, решив, что втроем будет веселее. Насчет одежды Ульрих ничего не говорил, и мужчины вырядились просто: в свитера. Жозефина пришла к ним за пятнадцать минут до чаепития, в нежно-розовом платье, открывающем старческие колени в чулках, с которых Йозеф почти не сводил взгляда, как бы ни хотелось. В предвкушении вечера у Иосифа поднялось настроение. Они втроем направились к мерседесу, сели и поехали в клуб. На крыльце стояло втрое больше народу, чем вчера. Члены клуба все так же небрежно одеты, гости были в вечерних нарядах. Иосиф, Йозеф и Жозефина вышли из машины и направились к двери, где их как раз поджидал Ульрих под руку с рыжеволосой девушкой. Под глазами виднелись круги как результат бессонной ночи в подготовке торжества. Директор поцеловал мать легонько в щеку, представился Йозефу и кивнул Иосифу.

– Привет, – сказал он бесстрастным тоном.

Наступило неловкое молчание, и Жозефина стала нахваливать новое платье девушки сына. Спустя пять минут все

вошли в библиотеку, но не остались в читальном зале, а поднялись на третий этаж, где еще тридцать лет назад проводились балы (ведь до библиотеки здесь была усадьба). Теперь же это место использовалось либо для экскурсий, либо для торжественных случаев, как сегодня. Только вот танцевальный зал молодежь забила столами, напоминающими школьные скамьи, на которых расставлены чайники, блюда и разного вида десерты: торты, печенья, кексы, шоколад и конфеты. В воздухе витал аромат душистого чая. Было жарко, от пара окна запотели. Полы отзывались звоном, когда люди ступали по ним каблуками; некоторые останавливались, дабы поглядеть на свое отражение, за день до торжества члены клуба все промыли от пыли и плесени. Ульрих усадил девушку, мать, Иосифа и Йозефа за столик, что стоял в самом центре, а сам принялся рассаживать гостей: за каждым столом по пятнадцать-двадцать человек. Спустя полчаса все наладилось, началась трапеза. Звенел сервиз, сливаясь с какофонией различных голосов. Ульрих уселся на свое место. Какое-то время все молча поглощали сладости, пока он не пробормотал:

- Мне нужно выйти. Иосиф, составишь компанию?
- Куда? – тут же встрепенулась мать и прищурилась.
- Мам, не волнуйся, мы просто поговорим.
- Не переживай... Жоззи, – сказал Иосиф, вставая. – Все хорошо, мы сейчас придем.
- Можно мне с вами? – сказал Йозеф.

– Нет, – отрезал поэт, и они с Ульрихом ушли.

...На улице похолодало, солнце скрылось, и на небе появились первые звезды. Молодые люди надели верхнюю одежду и встали напротив колонн. Ульрих закурил и предложил Иосифу, но тот отказался.

– Так вот с кем ты смотрел рассвет, – сказал директор клуба.

– Послушай, – сказал поэт, – да, мы встречаемся, но тебе-то что с того? У тебя уже своя жизнь.

Он усмехнулся.

– Мама всегда на молоденьких косилась. Мы постоянно ругались по этому поводу, я никогда не понимал ее... да и до сих пор не понимаю. Когда же съехал от нее, мне стало как-то даже все равно, я ей сказал так: «Хоть на молоденьких, хоть на стареньких – пускай. Главное, чтобы ты была счастлива».

– Тогда в чем проблема?

– Понимаешь, я бы все понял и принял, если бы под угрозой не стояла репутация клуба.

– А при чем здесь клуб?

Ульрих потушил сигарету. Его лицо оставалось бесстрастным.

– Ладно, объясню. Предположим, вы поженитесь, поедете куда-нибудь на медовый месяц, а потом вернетесь и будете себе жить-поживать да добра наживать. Ладно, хорошо. Но рано или поздно об этом узнает свет. – Он поднял палец

вверх. – Ее свет, Иосиф. Свет чопорных тетей-аристократок и дядей-предпринимателей. А они, дорогой мой, любят промывать людям косточки по поводу или без.

– Ну и пускай.

– Ты еще тот сопляк, ничего не понимаешь, да и мама ради личного счастья готова плюнуть на все – уж я-то знаю, поверь. Ладно, это еще цветочки. Но ее свет знает и про меня, и про мой клуб, а я раскрою тебе секрет: у нас большинство молодежи как раз иного сорта, даже лучше нашего с тобой. Вы породите целую волну слухов, и что из этого будет? Сплетни, интриги, даже скандалы... И все в рамках молодежного клуба. Это осквернит и его, и всех его членов. Будут потом говорить: «Что за безнравственность? Вы еще потом несовершеннолетних возьмите в брак! Это же настоящий Содом и Гоморра, надо закрывать такое дело». А что потом? Меньше народу, меньше спроса, больше прессы, власти могут заинтересоваться нами и нашим творчеством. Оно мне надо? Оно тебе надо? Оно надо еще кому-нибудь из нашего клуба?

Иосиф, сбитый с толку, немного помолчал и сказал:

– Так на что ты намекаешь?

– Не знаю, есть ли у вас в планах свадьба, но все же. Либо я тебя выгоняю из клуба и тогда ты можешь жениться на матери, либо ты остаешься с нами и даже можешь встречаться с ней, но не афишировать это, а уж тем более – не переезжать к ней. Выбирай.

Поэт замолчал. Он думал, размышлял. «По сути, мы с ней о браке не говорили, так что можем и без него прожить. Что мы потеряем? Ее наследство мне не нужно, любить можно и без брака. С жильем так же, ничего страшного. А клуб? Мне хочется и быть с ней, и состоять в клубе. Не то чтобы он мне прям дорог, но и уходить раньше времени не хочется. Ничего, пожениться и так успеем. А если нет?.. Ну и черт с ним!»

Вот только не хотел Иосиф признаваться себе, что на самом деле боится брака. Надо сначала отучиться, обосноваться, а потом уже и свадьбу играть.

– Ну? – сказал Ульрих.

– Я согласен.

Он улыбнулся.

– Хорошо, только это строго между нами.

Они пожали друг другу руки и вернулись в помещение. Жозефина, которая за все время даже не притронулась к чаю, облегченно вздохнула и выпила полчашки, а Йозеф поднял бровь: мол, неужто целехонький? Однако Иосиф не обратил на него внимания и с улыбкой слушал торжественный тост Ульриха в честь первого дня рождения клуба.

Глава 2

«Восстанем ж наконец!»

6

Прошло две недели, и, по словам Иосифа Яффе, он уже окончательно стал своим в клубе для молодых писателей. Йозеф заметил в арендаторе перемену: исчезла та чопорность и педантичность, однако ныть по поводу бритв на одной полке поэт не перестал, зато делал это через раз. Времени на такие мелочи теперь уходило меньше: с понедельника по пятницу учеба допоздна, а по выходным – клуб. Репутацию поэт заработал хорошую; с Ульрихом он общался даже если и не так дружелюбно, как при первой встрече, то хотя бы без неприязни. Друзей особо не прибавилось, Иосиф общался с другими творческими личностями просто и непринужденно, без привязанности. Вот только не все гладко: на третьей неделе произошла стычка с одним человеком.

Как-то раз Иосиф вернулся на полчаса позже обычного. Йозеф сидел на этот раз не один, а возле бородатого мужчины, который толще и старше его в два-три раза, одетого в клетчатую рубашку и комбинезон сверху. Собеседник постоянно улыбался, обнажая выбитый сбоку зуб. Приятели об-

нимались, икали и пили пиво; на полу лежало пять пустых бутылок. При виде арендатора Йозеф улыбнулся и поманил его пальцем.

– Эй, иди сюда! Давай выпей с нами. Знакомься, Фундук.

– Здоров-с, князь! – со свистом прогремел гость и сам же расхохотался; его смех напоминал камнепад.

Иосиф нахмурился и потоптался на месте. Он не без отращения смотрел на ковер, весь в свежих пятнах от пива, и вдыхал характерный запах.

– Здравствуйте. Нет, я пошел в свою комнату.

– Э, погоди. – Йозеф поставил бутылку и подошел к нему, приобнял за плечи. – А чего ты такой печальный?

Иосиф махнул рукой.

– Да так, неважно.

– Признавайся. Мы с Фундуком их быстренько...

Йозеф показал кулак, друг закивал.

Поэт понял: от них так просто не избавишься, так что вздохнул и уселся на диван.

– Впервые в жизни меня обвинили во лжи – это самое скверное оскорбление для любого писателя!

– В какой лжи? – сказал Йозеф.

– В обычной. Я прочитал стихотворение о рабочих, а одна особа назвала его лживым и слишком вычурным.

– Соизвольте-с прочитайте-с, – сказал Фундук.

– Ну ладно. Он называется «Обращение к капиталистам».

Слушайте:

Рабочий класс не любит вас,
Рабочий класс не должен вас
Кормить.

Мы работаем на вас,
А вы нам: «За НРП!»
Но я скажу лишь так:
Нужны *мы* вам, а не НРП.

Вы – властелин богатства,
А мы – его рабы.
Но мы хотим от государства
Поддержки, помощи и любви.

Знаю, конец не за горами,
Возложит он на вас венец,
И придет всему конец:
Гнету, смраду, голоду.
Восстанем ж наконец!

В наступившей тишине Фундук встал и так громко захлопал в ладоши, что позади него затрясся шкаф.

– Bravo! Bravo! Всеми руками-ногами «за», есть такая проблема-с.

– А в чем здесь смазливость? – сказал Йозеф. – Ну да,

строчку про «поддержку, помощь и любовь» со стороны НРП я бы убрал, но в чем проблема-то? Как есть, голая правда жизни.

– Увы, нет, – сказал Иосиф и вздохнул. – Тут просто у нас одна есть дама, зовут ее Джута. Она вообще, похоже, не любит меня.

– Господи, да плюнь на эту сучку!

– Я бы плюнул, если бы она не была главным редактором клубной газеты «Известия». По сути... по иерархии она второй человек по старшинству после Ульриха, его правая рука, и достаточно много людей, кто к ее мнению прислушивается.

– И чего, у них своего мнения вообще нет?

– Даже если есть, многие из газеты боятся его высказывать, не хотят с ней связываться.

– Так и плюнь на это.

– Но я хочу попасть в редакцию. Мне интересно, хочется тоже быть как можно ближе к клубу.

– А я считаю-с, – сказал Фундук, – это потому, что она опасается, – ИК! – как бы ты чего такого не написал-с. Сразу после выпуска в массы все закроют-с.

– Нет, клуб пишет исключительно для себя, и наши газеты, как правило, не покидают его стен. Я читал пару выпусков, которые Министерство пропаганды и цензуры просто не пропустило бы. А насчет Джуты – я и не думал, что она такая категоричная.

– Почему она на тебя так-с?

– Потому что я не просто так рассказывал ей стихотворение; оно должно было стать моей «визитной карточкой» в редакцию. А Джута просто разгромила меня!

– Значит, ты ей нравишься-с.

– Если бы так... Это еще ладно, она меня лжецом представила. Говорит: «Мол, не пахал и теперь что-то вякаешь про работу! Иди лучше и сам поработай, я-то вот в пекарне третий месяц уже работаю по восемь часов, сама знаю, что такое труд». Я же не оставил ее слова просто так и пообещал, что устроюсь.

Фундук неожиданно вскочил и всплеснул руками.

– Надо же-с: три месяца в пекарне – только подумать-с! А я-то, я уже двенадцать лет-с как на гробу своем несу, разгружаю товары на фабрике-с. И ничего, терплю-с!

Он с грохотом плюхнулся в кресло, несколько книг с полок упали, и Иосиф даже вздрогнул от столь внезапной вспышки, уставился на Йозефа. Тот улыбнулся, положил руку ему на плечо и сказал:

– Не сердись, просто сегодня у нас тоже был трудный день.

– Вы что, работали?

– Да, решили взять подработку на сегодня, чтобы заработать пару лишних монет. Там сейчас такие страсти происходят! Короче, вот, послушай.

И он рассказал. Уже давно на их фабрике по производству мебели ходили слухи о том, что начальство собирается увеличить продолжительность смены с восьми до десяти часов

в день. Сначала их не воспринимали всерьез, это были просто грязные сплетни, на которые мало кто обращал внимания. Но неделю назад начальство, а именно директор Даммер, подкрепил слухи, пожаловавшись на то, что рабочие не всегда успевают выполнить ежедневную норму, а поставки в магазины не могут ждать. Тогда один из таких «грязных сплетников» напрямую, при всех задал вопрос: «Так что же вы будете делать? Неужели увеличите нам рабочий день или сократите обеденный перерыв? Черт возьми, мы же работаем до седьмого пота!» (Тем более точных указаний в законе относительно трудового дня нет: только не более двенадцати часов для любого графика работы, не считая суточных смен). Все в полном молчании повернулись к Даммеру, тот лишь пожал плечами и сказал: «Поживем – увидим». Послышалось недовольство, претензии и возмущенные возгласы, однако директор молча удалился, и на этой неприятной ноте лекция закончилась.

Бунта никакого не последовало, однако сплетни стали все навязчивее и грязнее: обещают то обеденный час урезать, то сделать суточную смену без перерыва на сон, то вообще пойдет сокращение недовольных работников. Вчера – то есть в пятницу – директор развеял все сомнения и сообщил о сокращении обеденного перерыва с шестидесяти до тридцати минут. Йозеф и Фундук не участвовали в дальнейших событиях, но вскоре стали невольными свидетелями того, как небольшая банда из их же смены направилась в кабинет Дам-

мера. Тот подготовился, выставил всю охрану, которая пропустила только самого тихого человека. Он от лица всех рабочих, всего пролетариата и Интернационала направился к директору, а вернулся печальный и с новостью: «Он говорит: еще одна выходка – и всерьез задумается о продлении рабочего дня». Воинский дух испарился, бунтари ушли, а Йозеф с Фундуком решили пока не вмешиваться. Ну и черт с ним, решил Ренау, велика ли потеря? Но Фундук считал иначе и загорелся идеей забастовки; сказал, что завтра специально выйдет на подработку. Он оставался тверд в своем намерении, сколько бы Йозеф ни призывал его к голосу разума. «И чего мы добьемся? Все равно отдохнем только в гробу». – «Всегда есть шанс на лучшее-с».

Короче, Фундук взял подработку, а Йозеф не хотел это пропустить и надеялся все же вразумить друга.

Итак, сегодня они вышли на работу. До рабочих из другой смены уже долетели последние известия, они также возмутились, ходили к директору – как раз под предводительством Фундука. Все закончилось не очень хорошо: он разгорячился и едва не сломал руку одному из охранников. Даммер вызвал полицию, Фундука арестовали и приговорили к пятнадцати суткам исправительных работ, пригрозили штрафом. Завтра ему надо прийти в участок – и некому больше восстания поднимать!

Иосиф слушал всю историю молча, вникая в каждое слово, а между тем в голове созрел план: пойти работать на фаб-

рику, поучаствовать в забастовке и написать стихотворение, да такое, чтоб оно встало у Джуты поперек ее глотки!

Под конец рассказа у Йозефа слипались глаза, а Фундук давно храпел в кресле. Иосиф отправился в комнату, но еще долго смотрел в потолок, обдумывая свой хитрый план.

7

На следующее утро Фундук ушел, а Йозеф отходил от похмелья, чуть ли не окунувшись в чан со льдом. Иосиф застал его на кухне, изложил свой план и попросил номер Даммера. Йозеф поджал губы.

– Нет, я, конечно, могу тебе и номер дать, и все такое; тем более как раз у нас не хватает рабочих, но оно того стоит? Сейчас не самое лучшее время, чтоб туда соваться, да и ты... ну, не совсем подходишь, я так думаю.

Уголки губ поэта опустились вниз.

– Почему?

– Это тяжелая работа, там надо мешки таскать. Ты будешь потом приходить, валиться с ног от усталости. Для начала лучше устройся в библиотеку или куда-нибудь еще, там уж ты будешь как рыба в воде.

– Вот еще! Я что, по-твоему, не мужик? – Он обнажил руки и показал бицепсы. – Видал?

Йозеф прыснул.

– М-да, трясусь от страха... Ладно, коль хочешь, дам но-

мер. Только ты, это, потом не жалуйся.

Глаза Иосифа заблестели; перспектива утереть Джуте нос не оставляла его в покое, заставляла кровь бурлить. Поэт сразу же позвонил Даммеру и договорился о собеседовании. Встречу назначили на сегодняшний день, на воскресенье, и он отправился на фабрику. Она представляла собой типичное серое здание, где запах древесины смешался с потом и копотью, горелым и едва ощутимым ароматом гуляша из столовой. Было необычайно жарко, не спасали даже настежь открытые окна, а потолок и вовсе полностью почернел от копоти. Директор, невысокий человек с бородкой и в очках, провел с неопытным студентом беседу и предложил перетаскивать мешки с различными материалами. Пять дней в неделю, по два часа во второй половине дня – как студенту. Зарплата – пять марок в месяц, две авансом. Не разойдешься на широкую ногу, но зато на нужды хватит, решил поэт и согласился.

С радостной вестью он вернулся к Йозефу. Тот усмехнулся, но не стал ничего говорить.

Иосиф направился в клуб и рассказал об устройстве. Ульрих в наступившей тишине нахмурился.

– Там, по слухам, скоро забастовка будет.

– И что? Все равно пойду.

– Ну, удачи.

Вдруг подала голос Джута Хелльберг, невысокая девушка, на пять лет старше Иосифа. Ее круглое лицо с пухлыми губ-

ками все время кривилось, тонкий носик морщился, на лоб ниспадали светлые пряди. Она сказала:

– Какой тебе в этом прок, Иосиф? Думаешь, лучше писать станешь?

– Думаю, что да, – сказал поэт и улыбнулся. – По крайней мере у меня будет опыт.

– У меня такой опыт уже третий месяц...

– Зато у меня намечается забастовка, а это прекраснейший сюжет для истории.

Джута неожиданно улыбнулась.

– Ладно. Предлагаю тебе, Яффе, пари: ты поучаствуешь в забастовке и напишешь статью от первого лица, не более трех страниц. Мы не принимаем большие объемы. Ты должен уместить все события забастовки и описать с субъективной точки зрения – и тогда я твою статью опубликую на стенде, а ты можешь сотрудничать со мной. Согласен?

Она протянула ладонь. Иосиф без колебаний пожал ее.

– Да, согласен.

8

На следующий день по приходе после института на работу новичку выдали комбинезон – старенький, застиранный, с дырками. Иосиф поморщился и кое-как напялил на себя униформу, на ощупь напоминающую то ли жесткую бумагу, то ли засохшую тряпку. Как только поэт вошел в цех, сразу

встретил Йозефа. Он поманил его к себе и указал на мешки со словами:

– Короче, те мешки в блок «А», где шитье, а вот эти – в блок «Г», там мусоросжигательная печь. Ну, работай!

Ренау похлопал его по плечу и ушел.

Первые десять мешков Иосиф оттащил в блок «А». Шесть из них оказались не такими уж и тяжелыми, наполненные подстилкой и пухом, а вот остальные четыре, набитые тканью, вымотали. Мешки для блока «Г», в которых оказалась гнилая древесина, сломанные пружины и погнутые металлические прутья, совсем измотали его. До поэта теперь дошло то самое предупреждение Йозефа. Далее последовали коробки с металлическими пластинами и другими материалами. Комбинезон слипся от пота и потемнел, мышцы под конец дня болели при малейшем движении, но Иосиф не жаловался – он знал, на что шел. «Ничего, – думал поэт, – зато буду сильнее и выносливее». Вдруг он уронил на ногу коробку и вспомнил все ругательства, которые не описывали даже самые темные классики.

...Домой Иосиф возвращался вместе с Йозефом, тот спрашивал о первых впечатлениях. Поэт лишь отмахнулся, направился в душ и, так и не дойдя до комнаты, завалился на диван, сразу погрузившись в глубокий сон.

На следующий день все так же. На этот раз было тяжелее, чем вчера, ибо кости ломило от каждого движения. Ближе к обеду к Иосифу подошел Йозеф со словами:

– Сейчас начнется.

Поэт поморщился, поставил коробку на пол.

– Что? Забастовка?

– Да пошли же.

Подходя к блоку «А», Иосиф все отчетливее различал между стуками и шипением раскаленного металла возгласы и грохот. Толпа в двадцать пять человек собралась около кабинета директора и боролась с пятью охранниками. Чуть поодаль стоял на мешках Фундук, весь потрепанный и грязный, с палкой в руках, на которой прикреплена дощечка со словами: «Отдых и труд все перетрут!»

– ...Мы не негры-с с плантаций, мы – работяги-с! Сейчас двадцатый век-с на дворе – век-с пролетариата и процветания Интернационала, – и мы должны терпеть такое средневековье? Нет, не позволим-с! Эй, Йоззи, иди сюда-с!

Йозеф с минуту стоял с открытым ртом и затем подошел к нему вместе с Иосифом.

– Откуда ты? Тебя же пять минут назад здесь не было. Ты сбежал с работ?

– Угу. – Фундук подмигнул. – Сбежал, пока полицей не видел-с. До этого так, созвонился с ребятами-с, договорились кой о чем. Те говорят-с, точно утвердили со следующей недели десять часов-с. Вот я сейчас здесь, долг выполняю-с.

– Ну ты дурак, товарищ! Если тебя поймают, посадят.

– И пусть. Тело заперто – душа свободна-с.

– Что ты несешь? – Йозеф наклонился к нему и помор-

щился. – Понятно все с тобой, тогда я не участвую в этом деле. Ну их к черту, еще и в тюрьме сидеть!

– И пусть! – Фундук махнул рукой и пошатнулся, однако устоял на ногах. – Эй, князь! Иди сюда-с!

Иосиф, который прикрывал нос от зловонного запаха коньяка, смешанного с пивом, переглянулся с Йозефом, тот пожал плечами. Поэт сделал шаг вперед, и Фундук вручил ему дощечку.

– На, держи-с. Мне нужно отлить-с.

Не успел Иосиф и рта раскрыть, как лидер забастовки удалился. Дощечка хотя и не очень большая, зато тяжелая, так что поэт поставил ее на пол, уперся подбородком и не двигался с места.

Однако рабочим уже не до лозунгов и криков. Толпа, будто опьяневшая от бунта, адреналина и желания отдохнуть, налегла на дверь, и та с лязгом и грохотом повалилась на пол. Из-за угла выбежало пять охранников, они пробирались сквозь толпу, один из них открыл огонь по воздуху. Немногие, в том числе Иосиф с Йозефом, пригнулись, поэт уронил дощечку. В этот момент толпа постепенно стала выходить из кабинета, неся на руках визжащего Даммера. Его лицо покраснело и опухло, очки съехали набок.

– Полиция, полиция! Отпустите меня, твари, я полицию вызвал!

Толпа улюлюкала и не упускала возможности дать ему подзатыльник или пощечину, кто-то разбил очки. Иосиф не

понимал, куда рабочие понесли свой трофей, да так и не получил ответа. Входная дверь распахнулась, и в цех вместе с холодным уличным ветром вбежали десять полицейских с автоматами наготове.

– Руки за голову, живо!

Рабочие остановились, улюлюканье смолкло – даже Даммер перевел дух и сказал:

– Да отпустите уже.

Его поставили на землю, он подбежал к полицейским, спрятался за их спинами и в гробовой тишине пропищал:

– Они хотели меня убить!

Неожиданно другая дверь сбоку, где находилась уборная, отворилась и на пороге появился Фундук. При виде стражей порядка он поднял брови и прогремел:

– Чего-с? Вы еще кто?

Один из полицейских направил на него оружие.

– Руки вверх!

Лицо лидера забастовки побелело.

– А-а-а... Ни черта себе, чего здесь устроилось-с... Эй, ну что вы как истуканы-с? Вперед, вперед!

Но никто из рабочих не сдвинулся с места. Тогда Фундук с ревом набросился на ближайшего полиция и повалил того на пол. Раздался выстрел, тело Фундука обмякло, и противник отпихнул его в сторону, с нескрываемой брезгливостью стряхнул капли крови с кителя. Среди рабочих послышался сдавленный стон, и это стало сигналом: остальные бросились

врассыпную, полицейские – за ними.

Йозеф опомнился первым; он схватил Иосифа за руку и повел к черному входу.

– Шевелись ты!

Поэт, блеее смерти, плелся за Ренау, приговаривая:

– Фундука что... убили?

– Лучше о себе думай.

Йозеф с ноги выбил дверь. Влажная от пота кожа не ощущала ни ледяной ветер, ни морозящий дождь. Они пробежали мимо свалки, перепрыгнули через забор и выскочили на дорогу.

9

Прошло два часа. Иосиф и Йозеф успели согреться и перекусить. После обеда зазвонил телефон, и их пригласили в полицейский участок. Иосиф напрягся. «Ну вот, – подумал он, – сейчас сделают выговор за плакат. Вот тебе и поучаствовал в забастовке, называется!» Однако по приезде на удивление поэта никто с порога их не окружил, не надел наручники. Следовательно, добродушный толстячок, который, даже вопреки всяким правилам, предложил закурить и попить чай, расспрашивал лениво и вяло, словно те сидели у него в гостях. Как оказалось, никто на них даже внимания не обратил во время стычки, однако в список рабочих смены они зачислены. Допроса не избежать. Иосиф и Йозеф почти не врали,

говорили, что да, видели они забастовку, но не принимали в ней участия. Фундук жив, лежит в больнице с простреленным насквозь боком; скоро его арестуют, а потом суд. Скоро всего, его посадят.

И все же полностью выйти сухими из воды не получилось. Йозеф не мог долго отпираться и сказал о том, как слышал ранее о предстоящей забастовке. Иосиф тоже не отрицал вину. Следовательно неожиданно изменился в лице и сказал:

– «Слышали» – значит, знали. Вы покрывали преступление, герр Ренау и герр Яффе, а это не есть хорошо, о нет. Поэтому с вас взыщут штраф. Благо никого не убили, иначе вы так просто не отделались бы.

Йозеф поморщился, осознавая одно: придется залезть в сбережения.

На следующий день и ему, и Иосифу пришло извещение от директора, что нужно срочно явиться. Он в мягкой, но настойчивой форме попросил написать увольнительную, и двум рабочим не оставалось ничего, кроме как подписать бумаги. Спустя несколько дней они узнали из газет: фабрика закрылась из-за массовых увольнений рабочих. Всем участникам забастовки вскоре пришло письмо с приглашением вступить в профсоюз, в котором, как позже выяснилось, состоял Фундук. Им пообещали помочь встать на биржу труда и, если необходимо, даже пособия выдавать. Йозеф же не состоял в профсоюзе и быстро записал туда себя и Иосифа. Штраф, кстати, арендодатель заплатил за двоих, и денег в

банке сократилось на одну шестую. Иосиф отдал часть аванса, хотя полностью расходы его гроши не покрыли. Йозеф решил потратить силы и время на поиск работы. В пятницу, то есть через три дня после забастовки, они нашли вакансию: продавцы-консультанты в магазине сервизов. Иосиф ободрился: и работа не скучная, и платят немного больше, и не надо постоянно таскать тяжелое. Йозеф согласился, но скрепя сердце, ведь придется обслуживать людей.

На следующий день Иосиф направился в клуб. За те три дня без работы он тратил время на статью, старался быть максимально честным и притом кратким. Члены клуба встретили его по-разному: одни смотрели на него с уважением, другие – с недоумением. Джута сразу потребовала статью, и Иосиф с гордостью протянул три тетрадных листа, исписанных аккуратным почерком.

– «...Ф. обмяк, задавил полицейского своим громадным туловищем, но тот отпихнул его. Выстрел послужил сигналом для рабочих, и они в самую ответственную минуту разбежались, словно крысы...» – шепотом читала Джута, а за ее спиной стояли все главные сотрудники редакции.

Наконец Хелльберг вздохнула и сказала:

– Ладно, Яффе, признаю: я была не права. Ты принят.

В подтверждение своих слов она повесила рукописи на стенд и закрепила кнопками.

С этого дня Иосиф работал в клубной редакции «Известия».

Глава 3

Интервью с писателем

10

Прошло всего две недели, но от однотипной жизни молодого поэта, в которой он следил за расположением бритв и ложился ровно в десять, не осталось и следа. Ему стало просто не до этого. С понедельника по пятницу он учился, после учебы работал. График такой же, как на фабрике: пять дней в неделю, по два-три часа как студенту. Йозеф трудился вместе с ним, но полноценную восьмичасовую смену. Работали они в магазине «Как дома», где продавали сервизы. Повсюду стояли стеллажи с разноцветной посудой самых причудливых форм и размеров, будь то полупрозрачная тарелка, формой напоминающая разрезанное напополам яблоко; будь то рюмки с изображением сатиров с флейтами. Красовались тарелки с росписью, с изображениями из средневековых миниатюр, с животными, птицами и другими созданиями. Когда приходило не так много клиентов, Иосиф пользовался моментом и ходил между стеллажами, заложив руки за спину, дабы ничего не перевернуть. Йозеф обычно прислонялся к косяку и закуривал, а себя он спрашивал о том, когда за-

кончится смена. Не нравилась Ренау эта должность: ему выносили мозг то мамочки с детьми, то придирчивые бабушки. Однажды он сказал одному придирчивому старикашке грубое словцо, так директор сделал ему замечание и пригрозил пожаловаться профсоюзу, который мог из-за увольнения отказать предлагать свою помощь. Пришлось запихать гордость куда подальше и работать. А вот Иосифу, несмотря на некоторых тяжелых клиентов, очень даже нравилось: он встречал новых личностей и изучал их, как творческая натура. После работы поэт возвращался к себе, делал домашнее задание и в двенадцать ночи забывался мертвецким сном, чтобы завтра начать все сначала.

По выходным у него также не оставалось времени на отдых, потому что в планах был клуб. Туда он шел с самого утра и проходил в полуподвальное помещение, которое еще недавно служило архивом. Однако место подсчитали маленьким, хотя Иосиф так бы не сказал, и его достаточно долгое время не использовали, а потом с радостью отдали клубу. Это помещение состояло из трех комнаток с голыми стенами, маленькими окошками чуть ли не у самого потолка и батареями внизу, которые работали плохо, и по полу всегда дуло, даже летом. Бывший архив члены клуба обставили мебелью и оборудованием: столами, печатными машинками, а стены обвесили шаблонами и вырезками в качестве примеров составления колонок, а еще плакатами с надписями наподобие: «Гроб – твоя кровать, а жизнь не терпит спя-

щих». Работало человек двенадцать, не меньше. Пахло чернилами и немного плесенью, стук по клавишам не утихал ни на минуту. Иосиф, как и другие журналисты, имел свой столик с печатной машинкой у самой стенки, который украсил по собственному вкусу: поставил для вдохновения горшок с цветком и любимый сборник от покойного дяди-сатирика «Еврейские анекдоты». До вечера поэт писал о преимуществах и недостатках филологии и ее помощи писателям с яркими примерами, которые он брал из собственного опыта. Так за день получалось три небольших статейки, которые он быстро корректировал и отдавал Джуте.

Однако же спустя полторы недели Иосиф вернулся из института, чтобы поесть перед работой, как вдруг зазвонил телефон: это была она.

– Иосиф, не хочу тебя дергать в середине недели, но потом не будет времени. У нас проблема: твои статьи мало кто читает. Все чаще мне приходят жалобы на их однообразие, и скажу по своему личному опыту: потом читатели потребуют, чтобы ты освободил место для кого-нибудь другого.

Иосиф нахмурился.

– Неужели все так плохо?

– Ну, слушай, твои советы полезные, но, видишь ли, наша газета не пособие, а развлечение. Мы занимаемся творчеством и пишем о событиях в мире литературы...

– Погоди, но ведь я же выпускаю стихи. Так почему меня уберут с места? Не могу ли я ограничиться творчеством?

– Но ты пойми, что на нем одном далеко не уедешь, а у нас как раз много желающих прийти в редакцию, только мест на всех не хватает. Поэтому хотелось бы, чтобы ты побыл журналистом, ведь стихи можно где угодно писать. Не забывай, что я тебя взяла за ту статью, а не за стихи.

Иосиф задумался. А ведь ради редакции он даже в забастовку вляпался! И что теперь? Бросить все спустя полторы недели? Ну нет, решил поэт. Однако же есть проблема...

– Я тебя понял, Джута, приму к сведению. Но вот только скажи, где мне взять сенсацию?

Она не без раздражения вздохнула.

– О боже... Вообще-то меня это не касается – так говорю, на будущее. Но раз уж ты новичок в таком деле – ладно, подскажу. Я тебе поручаю задание: взять интервью у Хассе.

Иосиф усмехнулся и подумал: «А ведь действительно предложение хорошее». Дело все в том, что на прошлой неделе Ульрих начал собрание с вот такого громкого объявления: «В следующую субботу ровно в пять часов у нас выступит с лекцией Руперт Хассе». Каждый член клуба буквально рассыпался в аплодисментах. Хассе относительно недавно, два года назад, стал очень популярен, особенно среди молодежи. Люди постарше разделялись во мнениях, судили автора по его произведениям так: либо наркоман, либо сумасшедший. Все из-за его романа «Лучик надежды». Иосиф читал его на пике славы писателя. Сюжет повествовал о девушке, по которой на протяжении почти всей истории

ползли зеленые жуки и в итоге овладели ее телом. От их яда она сама превратилась в жука, а вскоре от нее остались лишь останки. Тогда Иосиф вообще ничего не понял, зато книга ему понравилась, и он полюбил автора, потом еще две книги его прочитал с примерно схожими сюжетами. Постепенно поэт углублялся в систему образов и стал составлять теории. Например, та девушка была Германией, а жуки – нацистами, которые оставили после себя расколотую и разбитую во всех смыслах страну. Так Иосиф расшифровывал книгу Хассе и проникся уважением к автору.

В общем, поэт вместе со всеми разделял общее счастье. И вот ему выпала честь взять интервью...

11

Уже с утра Иосиф готовился к вечернему событию. Интервью он хотел взять после лекции, а во время нее стараться записать как можно больше материала. Для такого серьезного дела поэт подготовил магнитофон, одолженный у Йозефа, надел вечером костюм и взял блокнот с ручкой. Арендодатель же сидел один в кресле и пил пиво.

– Что, уже уходишь? Во сколько придешь?

– Не знаю, – честно ответил поэт. – Как минимум в семь, может, и позже.

– Я тут, это, в «Сладкую карамельку». Может, потом соединишься? Я там допоздна.

– Йозеф, ну не хожу я в такие места. Сколько можно тебе говорить? Неужели не с кем больше пообщаться?

Он вздохнул и сделал еще один глоток.

– Нет. Скучно что-то стало, делать нечего! Дома прибрался, подработку брать не хочу...

– Почитай.

– Я слишком глуп для этого. – Йозеф неожиданно ожил: – Эй, а если я с тобой, это, пойду на этого Хассе? А чего? Как раз просвещусь в книги и... прочие ихние умные штучки.

Иосиф заколебался. Йозеф может все интервью испортить либо разговорами, либо, что еще хуже, похабными шуточками. На самом деле Ульрих приглашал всех желающих, и поэт сразу вспомнил о Жозефине. Единственное, он сомневался, захочет ли она пойти. После новости о забастовке дама сердца обиделась на него: ведь даже не предупредил, а она захворала от потрясения! Они не разговаривали, возлюбленный не получил ни одного ответа на письма. Тем не менее Жоззи ответила на телеграмму с приглашением и должна скоро прийти. Иосиф решил подождать ее в коридоре, а Йозефу сказать, что лекция строго для членов клуба, как вдруг в дверь постучали. На пороге стояла Жозефина в черном сверкающем платье. За время болезни ее лицо чуть побелело и осунулось. Она с ног до головы оглядела поэта и затем нежно поцеловала в губы.

– Ну что, – промурлыкала она, – пойдём?

Иосиф расплылся в улыбке и взял даму сердца за руку, как вдруг всю магию разрушил пришедший с бутылкой пива и в обляпанной рубашке Йозеф.

– Ну так чего, пойдём?

Жозефина поджала губы, Иосиф вздохнул.

– Ладно, идемте... Только ты оденься поприличнее, не позорь меня.

Хассе опоздал почти на полчаса. Слушатели – чуть более ста человек – сидели в креслах и уже плевались в адрес известного гостя, как вдруг тот вошел к ним. «Этот мужчина средних лет с бородкой и смуглым лицом мог бы не опаздывать и одеться достойно», – рассудил Иосиф. Действительно, писатель не заморочился даже с одеждой: он пришел без пиджака, в помятой рубашке, застегнутой не на все пуговицы, на грудь небрежно свисал красный галстук. Хассе на мгновение замер в центре зала, словно ожидая бурных аплодисментов, однако вместо этого заслужил лишь гробовое молчание и взгляды, в которых читалось презрение. Наконец писатель улыбнулся и невнятно заговорил:

– Приветствую вас, товар-рши писаки! Я ош рад, что здесь, с вами. Да, я ош рад. Ну-с, с чего начнем? А, вот: с базы. В каждом про... произ... в каждой книге должна быть база. Здесь важен принцип: показывать, не рассказывать. Иначе как читатель проникнется героем?

...И так прошло два часа. За все время лекции люди с на-

хмуренными лицами пытались вслушаться в речи Хассе, который, как назло, несколько раз сбивался и чуть не падал. Особо нетерпеливые вставали и уходили, поэтому под конец зал опустел больше чем наполовину. Иосиф слушал очень внимательно и не сводил взгляд с блокнота. Пленка магнитофона не могла записать полностью всю лекцию – тем более уместить туда еще и диалог, поэтому поэт пока пользовался традиционными методами. Однако же исписал он только два листа, и то большая часть попросту почернела – результат неудачных попыток разобрать речь лектора. Рядом сидела Жозефина, которая, судя по заспанному лицу, прилагала все усилия, чтобы не уснуть. Чего не скажешь о Йозефе: под конец лекции он всю храпел.

Когда же Хассе закончил, раздались слабые аплодисменты – ни улыбок, ни восклицаний. Писателя это ничуть не смутило; он улыбнулся, помахал всем рукой и нетвердой походкой направился к выходу. Иосиф вскочил и пошел вслед за ним, на ходу включил магнитофон.

– Герр Хассе, можно с вами поговорить?

– Конш, сын мой.

– Может, остановимся?

– Нет, мне нужен свежий воздух.

Иосиф отключил магнитофон и с трудом дождался того момента, когда они вышли на улицу и зашли за угол. Небо полностью почернело, показались первые звезды, и засияла полная луна. Поэт поежился: ветер пронизывал до костей и

щекотал нос. Хассе достал из кармана самокрутку и затянулся. Только сейчас, при свете фонаря, Иосиф впервые посмотрел своему собеседнику в глаза: они красные. Нет, не растертые, а *красные*, зрачки сужены. «Так он не просто курит, он употребляет, – подумал поэт. – Черт! Ладно, интервью все равно надо взять, ведь когда потом мне еще представится такая возможность?» Он огляделся по сторонам, но никого не увидел – даже Жозефина с Йозефом куда-то запропастились. «Ладно, без них даже легче».

Иосиф включил магнитофон и сказал:

– Итак, герр Хассе, расскажите о том, что вас подвигло написать первый роман, «Лучик надежды»?

Писатель протянул самокрутку.

– Будешь? Нет? Корош, слушай. Я тут задолжал двум таким червякам, чтоб товар пополнить. Тип того. – Он показал на самокрутку. – Хорош товар, нечего сказать. А я как раз сидел без работы, депрессия, развод и все дела. Хотелось курить, вот и обратился к ним, они сверху как раз жили, снимали жилье... Ну, купил мархушу, а денег-то нет! И чего? Они мне угрожать стали, а я как раз делал заметки для романа. Вот и настругал по-быстрому, денег заработал, отдал им. До сих пор товар беру.

– А кто они, ваши... друзья?

– Наркоши, как и я. Вообще они банками занимаются; просто знакомые появились, которые научили их ремеслу. Вот и подхватили это, закрутилося все, завертелося. Хорош

товар, зря, кст, отказываешься.

Хассе затынулся и закатил глаза.

– О да-а...

Иосиф едва открыл рот, как из-за угла послышалось:

– Ну наконец-то, а то мы тебя по всей библиотеке ищем!

Он выключил магнитофон и обернулся. Голос принадлежал Жозефине, а рядом с ней стоял пошатывающийся Йозеф. Поэт поморщился: от арендодателя разило, в одной руке он держал бутылку виски. «Похоже, пара глоточков и пиво ранее сделали свое дело», – подумал Иосиф и отстранился от пьяных объятий.

– А это че? – сказал Ренау, поворачиваясь к Хассе.

Писатель улыбнулся и протянул наполовину сгоревшую самокрутку. Йозеф взял ее, повертел в руках и закурил, а затем взвыл, словно пес.

– Ух, вот так штучка!

– Фу, нельзя! – прошипел Иосиф, понимая, что дело зашло слишком далеко. – Пойдем домой.

– Что это? – шепнула Жозефина и показала на окурочок.

– Марихуана.

Поэт тут же пожалел об ответе. Дама сердца ахнула, взяла его за воротник и как маленького ребенка потащила к машине, где ждал шофер. Иосиф посмотрел на смеющихся Йозефа и Хассе и подумал: «Ладно, пускай развлекаются. Не мое дело. Зато хоть что-то есть с интервью, а там уж посмотрим. Хассе даже не вспомнит о нашей встрече!»

...Жозефина отказалась от ужина, и в подъезде влюбленные расстались. Иосиф поднялся к себе, но едва успел раздеться, как зазвонил телефон.

– Алло, это я, Джута. Ну что, как все прошло?

Иосиф рассказал ей про интервью и напоследок спросил:

– Думаешь, стоит такое печатать?

Она фыркнула.

– Шутишь? Это же ведь здорово! Только поменяй имена – и все тут. Кстати, зачем я тебе звоню? Ах да. В общем, у меня есть знакомый, папин друг и главный редактор сатирической газеты «Знаменитости и прочие неприятности». Я могу туда отправить твою статью, только принеси ее мне уже в готовом и откорректированном виде, ладно? И моменты про то, что он был не в адекватном состоянии, убери.

Поэт просиял.

– Врешь, не может быть! Конечно, пришлю, спасибо. А если честно, то почему именно я?

– Ну как же? У нас была знаменитость, ты взял у нее интервью, а меня Ульрих попросил продвигать клуб, ведь в последнее время народу не прибавляется.

– Доходы мне причитаются?

– Да, конечно.

Иосиф согласился и повесил трубку. Он остался один, в тишине, а до сна, по режиму, еще полтора часа. «Ладно, – подумал поэт, – чем раньше начну, тем быстрее закончу».

На следующее утро Иосиф проснулся от боли в затекших руках. Один из черновиков прилип к его щеке и с неохотой отклеился, оставил после себя синее пятно. Ноги ослабли, Иосиф с трудом дополз от стола до кровати и несколько минут полежал под одеялом. Вскоре он вышел из комнаты, но не обнаружил Йозефа и впервые за два месяца провел завтрак не под шум радио, а в тишине и один.

Когда часы пробили двенадцать, поэт направился в клубную редакцию с черновиками. Джута встретила его с улыбкой и пожелала успехов, а он сразу сел за работу. Под конец дня статья была полностью отредактирована и перепечатана. Иосиф изменил фамилию писателя Хассе на Хаазе и вместо невнятной речи добавил красивые, свойственные писателю метафоры и эпитеты. Единственное, пришлось полностью менять концовку, и поэт нашел выход из положения. Дабы не говорить о Йозефе, он написал так: *«Неожиданно к нам подкатила машина, черная “Ковалевская”, и оттуда показалась головка девушки, которая пропела: “Пупсик, ну ты скоро?” Тогда-то Хаазе извинился и ушел. Так и закончилось мое интервью.*

Иосиф Яффе».

Статью повесили на стенд, а ее копию отправили в редакцию. Джута похвалила Иосифа за работу, и все разошлись. С

нетерпением поэт добежал до дома, чтобы сообщить Йозефу радостную новость и, может быть, даже отметить. Такое счастье, когда добиваешься успехов, пусть и самых маленьких, в непривычном для тебя ремесле! Но на удивление Иосифа арендодателя дома не оказалось, ничего не говорило о его приходе. Спустя полчаса зазвонил телефон, арендатор взял трубку и услышал на другом конце провода грохот и едва слышное:

– Иосиф дома?

– У аппарата.

– А, это ты! Ну, привет, привет. Как ты?

– Нормально. Где ты?

– Скучаешь? Ну-ну, не плачь. Я, это, в понедельник не выйду.

– Почему?

– Ну, тут у этого Хассе... – Он захихикал, послышался женский смех. – Ну, весело у него. Девочек пригласил, а они тут своих подружек прихватили, те взяли вино, кто-то взял травку... Короче, вот. А ты чего, опубликовал статью?

– Да, уже висит. Копию отправили одним важным людям, ее скоро опубликуют в одном журнале.

– Молодчина! Ну, лады, мне тут дела надо делать... Давай, пока!

Не успел Иосиф и слово сказать, как Йозеф уже положил трубку. Поэт усмехнулся и направился к себе в комнату готовиться к учебе.

Первую половину понедельника Иосиф провел в институте и приехал домой. Никого не было; он спокойно поел, переделался и отправился работать. Правда, по дороге поэт заглянул в почтовый ящик и увидел письмо от некоего А. Войновского, но он торопился, поэтому спрятал конверт в карман и решил потом уже, на работе вскрыть его. В магазине чуть ли не у самого порога Иосифа встретил администратор, тот подошел к нему и тихо заговорил:

– Тебя тут кое-кто хочет видеть. Пожалуйста, скажи им, чтобы они в следующий раз не приходили, а то половину клиентов распугали своим видом.

Он повел не успевшего опомниться поэта к полкам с тарелками. Там почти никого, кроме двух мужчин, прекрасно дополняющих друг друга. Слева стоял невысокий худой мужчина с горбатым носом и в очках, а справа – самый настоящий буйвол с жесткими кудрями и бородкой. Пыхтя сигарой, он взвешивал в огромной своей лапище тарелку с розочками. Из одежды на них расстегнутые пальто. Иосиф прищурился: какие-то предметы выпирали по бокам, вроде бы портупею с кобурой разглядеть можно... Он облизал пересохшие губы и под косые взгляды администратора подошел поближе.

– Здравствуйте.

Мужчины повернулись к нему, и Горбатый Нос озарился в улыбке.

– О, гуттен таг, как говорится. А мы уж заждались тебя. Нам нужно серьезно поговорить. – Он покосился на громилу. – Джо, завязывай, надо двигать.

Тот кивнул, поставил тарелку и поплелся к выходу. Горбатый Нос приобнял Иосифа за плечи и подтолкнул вперед. Поэт не отпирался. Все трое добрались в напряженном молчании до парковки и уселись в «Ковалевскую». Джо сел за руль, Горбатый Нос устроился возле Иосифа на заднем сидении, и машина плавно тронулась с места.

– Что вам от меня надо? Кто вы? – сказал Иосиф.

Джо усмехнулся и прогремел:

– Хе, «червяки»! Именно так ты же нас назвал.

– Что?

Горбатый Нос выхватил из портупеи пистолет.

– Только не говори, что это был не ты.

Поэт почувствовал, как заledenели конечности, однако не подал виду и спокойно сказал:

– Вы вообще про что?

– Про твою статью, балда.

Вдруг Иосифа осенило.

– А-а... Так вы те самые «друзья» Хассе? Но что же я вам сделал?

– Какого черта ты писал о нас?

– Я не писал конкретно о вас, я даже фамилии изменил.

– Угу, нисколючко не похоже: Хассе и Хаазе, – сказал Джо, не поворачивая головы. – Как будто никто ничего не понял! Из-за тебя у нас проблемы, друг.

– Какие проблемы могут возникнуть из-за одной статейки?

Горбатый Нос фыркнул.

– Ну да, ну да. Вот только это твоя «статейка» высвечивается в одном из самых популярных журналов округа. Полиция, которая хорошо знакома с Хассе не понаслышке, очень сильно заинтересуется делом, даже если речь идет о юмористическом журнале.

До Иосифа теперь дошло. Во-первых, в том письме говорится о печати статьи в сегодняшний выпуск, а Войновский – тот самый редактор журнала. Поэт нащупал извещение, но Горбатый Нос выхватил его и разорвал в клочья. Во-вторых, этих двоих давно разыскивает полиция, а статья усугубила положение. Может, сейчас их уже ищут. Однако от таких догадок Иосифу не стало легче – наоборот, возникло еще больше вопросов, и ему хотелось закрыть глаза, проснуться в постели и облегченно сказать: «Хорошо, что сон закончился!»

Но уж слишком реалистично для сна.

Внутри закипело от нелепости ситуации, и Иосиф сказал:

– При чем здесь я? Да, опубликовал статью, но ведь это вина Хассе, его слова...

Он увидел в зеркале кривую ухмылку Джо.

– Не волнуйся, с ним мы уж сами как-нибудь разберемся.

А ты лучше за своего дружка переживай, ему-то сейчас точно несладко.

Иосиф сжал кулаки.

– Что вы сделали с Йозефом?

Однако вместо ответа последовало молчание, и поэт со вздохом развалился в кресле, а Горбатый Нос убрал пистолет.

14

...Так что же случилось с Йозефом? Пока Иосиф не без угрызений совести мучился над этим вопросом, давайте отмотаем время назад и посмотрим на приключения Ренау.

Чуть больше двух дней он провел в квартире Хассе. Писатель жил в Западном округе, на Либерштрассе, в типичной многоэтажке, хотя со своими доходами мог бы позволить себе и дом в Центральном округе. Квартира его напоминала помойку: на столах лежала грязная посуда, на полу – одежда, бутылки и бумаги, а ванна вся почернела от плесени и ржавчины. Пахло мусором и мочой, дуло по полу. Йозеф с безразличностью осмотрел квартиру, но разум настолько затуманился от выпитого, подаренного еще на лекции пьяным студентом виски, а также от пива и травы, что он махнул на все рукой и провел ночь в компании девок и Хассе. Так же прошел следующий день; впервые в жизни Йозеф больше суток не приходил в сознание. Он смутно помнил женские лас-

ки, смех и траву, что заключала разум в объятия дурмана.

Все закончилось в понедельник после обеда. Йозеф проснулся на диване совершенно разбитый; в голове звенело, словно по ней били молотком, в горле пересохло. Девушки давно ушли, Хассе спал на полу и громко храпел. Кое-как Йозеф нашел среди хлама аспирин, умылся и поглядел на себя в зеркало: на него пялился небритый белобрысый немец с красными глазами и в заляпанной одежде. Чистого белья нет, принимать душ в черной ванне Ренау не стал, поэтому решил выпить кофе и потихоньку смыться. Не понравился ему эксперимент с марихуаной. «Все, этого больше не повторится, – решил он, пока ставил на плиту джезву. – Господи, самому от себя противно: весь грязный, небритый. Да и такое ощущение, будто полжизни проспал! Все, никаких наркотиков. Наркотики – плохо». Впрочем, то же самое Йозеф и про алкоголь подумал, когда впервые напился в баре и проснулся под стойкой в одних трусах. Однако же «можно иногда снять стресс от быта», как он любил говорить.

Пока Йозеф варил кофе, а Хассе валялся на полу, в дверь постучали. Ренау разбудил хозяина квартиры и стал уже разливать жидкость по вымытым кружкам, когда раздался такой грохот, что он подскочил и бросился в коридор. Руки вцепились в джезvu с намерением облить злоумышленников остатками кофе, но дуло пистолета, направленное в упор, подавило это желание. Двое мужчин, представившись Джо и Джеком, скрутили обитателей квартиры, связали и усадили

на диван. За чашечкой кофе Джек разразился длинной тирадой о том, какой Хассе идиот. Тот попытался оправдаться, но Джо прервал дискуссию, разбил кружку с остатками кофе о пол и сказал:

– Больше мы тебе товар не дадим, так и знай. И вот *это* мы забираем себе.

Он бережно, словно мёртвых пчелок, сгреб со стола в баночку несколько целых самокруток и спрятал за пазуху. Хассе взвыл.

– Но Джо, как же я буду теперь жить?

– Молча, как и все. Нам уже надоело тебя жалеть: сначала платишь не вовремя, а потом еще в газеты, даже если они любительские, сообщаем о нас. Ты прекрасно знаешь наше положение.

– Я могу пойти туда и сказать, что просто пошутил. Ну пожалуйста, Джо, верни мархушу! Честно-честно, я буду вам двоим платить в два раза больше денег, у меня их навалом.

– Тогда что раньше не платил?

– Ну... времени не было.

– Ну да, ну да, с девочками надо первым делом поразвлечься, лучше на них деньги тратить. Ты говоришь, бабла навалом? Хватит, чтобы «шестерок» купить? Чтобы нас перестали разыскивать.

– Нет, но...

– На нет и суда нет. Все, тема закрыта.

Писатель запрокинул голову и взвыл, словно прострелен-

ный насквозь кобель в предсмертных судорогах. «Ну и дурак», – подумал Йозеф и попробовал пнуть приятеля, но вдруг Джек схватил Ренау за воротник рубахи и прошипел:

– А ты что еще за черт?

– Самый обычный, из пролетариата, – в таком же духе ответил Йозеф. – Вам чего от меня надо? Могли бы и отпустить.

Джо усмехнулся.

– Ты посмотри, Джек, какой он хитрец! Думаешь, мы тебя так просто отпустим, чтобы ты побежал в полицию? Хе, размечтался!

– Но что нам с ним делать – ума не приложу, – сказал Джек. – Нам надо найти этого Яффе. Судя по фото в газете, этот на него совсем не похож...

– Иосиф Яффе снимает у него комнату, он мне сам говорил! – выл Хассе. – Дайте мне мою мархушу!

Джек расплылся в улыбке и кинул тому самый маленький окурок. Писатель тут же сбагрил его и затыкнулся, запыхтел. Йозеф побелел от ярости. «Грязная, мерзкая крыса!»

– Вы что, – сказал Джо, – сожители?

– Тьфу на вас! – не выдержал Йозеф. – Он снимает комнату во время учебы.

– Ладно, допустим. Тогда где он? Ты же должен знать.

Арендодатель молчал. Ни один мускул не дрогнул на лице Джо, когда он направил на пленника пистолет.

– Где он?

Йозеф понял одно: тягаться с вооруженными бандитами бессмысленно, хотя и старался оттянуть время. Не получилось, и он все-таки назвал адрес магазина, где сейчас должен быть Иосиф. На его удивление дальше бандиты допытываться не стали. Джо стряхнул всю грязную посуду и журналы с туалетного столика на пол, поставил посередине печатную машинку и кипу бумаг. Перед уходом он обратился к Джеку и указал на Йозефа:

– Что с ним будем делать?

– Да ничего, потом разберемся. Сейчас время тратить не охота. Чем скорее, тем лучше.

Они ушли. Их не было целый час.

Едва дверь захлопнулась, Йозеф стал изо всех сил извиваться. Веревки вонзались в запястья и в ноги даже сквозь брюки, а узел впивался в спину. Ренау добился одного: он повалился на пол и очутился рядом с ближайшим осколком, довольно-таки большим, от разбитой кружки; аромат кофе щекотал ноздри. Хассе за все время допроса сидел неподвижно, забившись в угол; он отсутствующим взглядом смотрел в одну точку и даже не вздрогнул, когда Йозеф упал. Почти полностью догоревший окурок дымился возле его ног.

– Эй, – сказал Ренау, – помоги мне. Пододвинь вон тот осколок слева. Эй, ты чего, оглох?

– Моя мархуша...

– В гробу я ее видел! Да пни уже этот чертов осколок, олух! Тебе чего, жить надоело?

– Жизнь не имеет смысла.

Йозеф вздохнул и перевалился набок, спиной к осколку. Ренау нащупал его пальцами и стал разрезать узел. Через пять минут запястья свободно орудовали стеклом, резали путы. Спустя десять минут Йозеф уже встряхивал затекшие конечности. Хассе сидел неподвижно, даже когда его распутали. Он ни на что не реагировал: ни на уговоры, ни на угрозы, даже пощечины не помогли.

– Ну и сиди тут, – сказал Йозеф и направился к выходу, однако дверь бандиты заперли снаружи.

«Стоп, они же сейчас за Иосифом поехали, – подумал он. – Что они с ним сделают? Убьют? Это им по-любому не выгодно, много шума будет. Скорее всего, привезут сюда, но зачем? Для пыток или переговоров? Возможно, и то, и то. Я чего могу сделать? Ну, можно вызвать полицию и дождаться в засаде, но... Нет, так не пойдет. Иосиф будет в заложниках, его пристрелят. Тьфу!»

Мозг Йозефа лихорадочно соображал. Надо спасти Иосифа. Без полиции не обойтись, однако стоит тогда задержать преступников. Иначе вдруг сбегут, а тогда либо Иосифу хана (застрелят они его от безысходности в засаде), либо их двоих посадят за ложный вызов. Но как, черт возьми, он задержит в одиночку двух вооруженных преступников?! На Хассе даже надеяться не стоит. Вдруг в голове всплыли черно-белые кадры из мультфильмов, которые маленький Йозеф смотрел по выходным в кино. Подобное что-то было:

два преступника врываются в дом, где герой установил самодельные хитрые ловушки. «Господи, мы же не в мультике живем, – покачал головой Йозеф. – А хотя... в этом есть смысл. Итак, дверь закрыта, от окна до земли далеко... Хм, чего здесь можно сделать?»

– Руперт, у тебя есть оружие?

Писатель покачал головой и закрыл лицо руками. Плечи его затряслись. Йозеф поморщился. «Вот же придурок!»

15

Пока все трое поднимались на второй этаж, Иосиф с каждой ступенькой все больше терял уверенность в мирном исходе. Он шел ровно посередине: впереди семенил Горбатый Нос, а замыкал шествие Джо, не выпуская из рук пистолет. Наконец, когда они очутились возле двери, поэт сказал:

– Что вы хотите сделать? Ситуацию уже не изменишь...

– Ты прав, – неожиданно ласково сказал Горбатый Нос, – но подправить всегда можно.

– В смысле?

– В прямом. Ты напишешь вторую статью, в которой извинишься перед Хассе за клевету, ведь твоя статья – выдумка и он такого не говорил.

– Вы думаете, что из-за одной статьи все всё забудут?

– Слушай, заткнись и...

– Погодите! Но если я напишу статью, вы же меня отпу-

стите?

– Куда мы тебя денем-то? – сказал Джо и неожиданно заржал. – В багажнике не хватит места, чтоб тебя туда еще пихать.

Иосиф для приличия натянул улыбку и первым прошел в захлавленную квартиру, где посреди мусора располагался стол с печатной машинкой, а на полу меж веревок сидел на коленях Хассе и беззвучно всхлипывал. Горбатый Нос подбежал к нему первым, вынимая на ходу пистолет.

– Какого черта? Где второй? – Он схватил бедолагу за плечо и встряхнул. – Где он, я тебя спрашиваю?

– Отдай мою мархушу, Джек, – запищал Хассе. – Я хочу свою мархушу!

– Черта с два ты ее получишь!

Вдруг писатель с воплем бросился на Джека, оба повалились на пол. Пистолет вылетел из рук бандита и шлепнулся возле дивана. Иосиф почувствовал сзади толчок и отпрянул в сторону, чудом устоял на ногах. Это Джо, он только тронулся с места, как внезапно сверху, прямо на голову ему, упало ведро с кипятком. Гигант заорал во всю глотку, закрыл лицо руками и бросился вслепую в сторону дивана. Иосиф обернулся. Из расщелины между дверью и стеной, выскочил Йозеф, подобрал ведро и накрыл им голову Джо. Тот попытался снять жестянку, но поздно: Ренау взял бечевку с пола и за несколько секунд привязал гиганта к туалетному столику, точно буйного пациента к койке перед операцией. В довер-

шение Йозеф закрепил узел на ручке ведра.

Хассе визжал громче всех, он вонзился в шею Джека зубами и стал рыскать в карманах брюк в поисках заветной травы, но не нашел ее. Горбатый Нос обессиленно лежал на полу и прикрывал рукой рану, из которой тонкой струйкой капала на пол кровь. Однако обезумевший писатель не унимался и потянулся за пистолетом. Иосиф словно очнулся и побежал вниз вызывать полицию. Йозеф кинулся на Хассе, но тот скинул его и спустил курок.

Джек больше не шелохнулся. Пуля угодила в лоб.

Тогда Ренау вскочил, взял печатную машинку и замахнулся. Послышался звон, клавиши разлетелись в стороны, и Хассе без чувств повалился на пол.

16

Йозеф так до конца и не понял, как выкрутился из всей ситуации. Пришлось в течение всего четырехчасового допроса доказывать, что он не настраивал Хассе на атаку; поехавший на мархуше писатель сам как с цепи сорвался, а Ренау подготовил ловушку лишь в виде ведра с кипятком... Или в крайнем случае воспользовался бы ножом, но исключительно в целях самообороны. В итоге следователь принял это к сведению, и Йозеф с Иосифом ушли из отделения полиции чистыми.

Как выяснилось, Джо и Джек действительно соседствова-

ли с Хассе – жили этажом выше. Их месяц разыскивали после ограбления мелкого банка на пятнадцать тысяч марок. Между тем Хассе вляпывался в разные истории, связанные с полицией: то как свидетель по делу об ограблении старухи-соседки, то несколько раз сидел в камере за драки. Один раз чуть за употреблением не застали, разгорелся скандал, пошли слухи; даже журналисты пытались провести расследование, но ничего не доказали. Это было год назад, если не больше, однако случай изрядно потрепал тогда бандитам нервы, и вот поэтому они опасались преследования после публикации слов Хассе, даже если речь шла о юмористическом журнале. Малейший намек – и ищейки начнут расследование.

Тем не менее все закончилось, однако поэт не разделял радость и всю дорогу говорил:

– Я и не думал, что из-за одной статьи на меня ляжет столько проблем.

– Профессия журналиста всегда опасна, – сказал Йозеф. – Ты еще не такого нахватаешься. Не бойся, все уже закончилось. Первый блин всегда комом; может, потом не попадешь в подобные неприятности.

– Кажется, мне нужен отпуск.

– Я так тебя понимаю, честно.

Йозеф уставился на темное, усыпанное звездами небо и замолчал. Неожиданно он вспомнил, что, несмотря оплату штрафа после забастовки, за два месяца банка пополнилась

как минимум на три с половиной марки.

«Может, на недельку уехать? Съезжу в санаторий, впервые за год работы отдохну. Думаю, на Иосифа можно положиться».

Глава 4

Когда все уйдут...

17

В банке сумма пополнилась до тринадцати марок. Примерно неделя на море и две в санатории. На море у него бы все равно не получилось съездить, так как до сих пор шло следствие, а суд назначили на конец месяца. Покидать пределы страны нельзя. Остается только санаторий, а заветный песочек и пляж тогда придется отложить. Но Йозеф устал. Та ситуация с Хассе в некоторой степени пошатнула его издерганную работами нервную систему. Не осталось сил, одно недовольство. Раздражительность, вялость, лень. Теперь он срочно нуждался в отдыхе, хотя бы на несколько дней. У него появилась идея отдохнуть недельку в санатории, а затем дальше копить на море – все равно оно никуда не денется, можно и потом съездить. Сейчас нужно восстанавливаться.

Когда Йозеф работал на фабрике, ему советовали санаторий «Жемчужина», который находился неподалеку от Центрального округа: мол, хорошее и приятное место, оплата невысокая. Вот и сейчас он вспомнил о нем и позвонил туда: за все про все за неделю придется отдать семь марок. Неде-

шево, рассудил рабочий, зато все включено: трехразовое питание и лечебные процедуры. Насчет работы Йозефу переживать не приходилось, ибо его и так уволили за грубое отношение к покупателям. Последней каплей для директора стал случай на днях, когда Ренау едва не подрался с одним из них. Покупатель препирался из-за скола на уже купленной тарелке и теперь срывал всю злость и досаду на неповинном консультанте. Йозеф не привык к такому отношению и стал грозить кулаком, а потом и вовсе взял мужчину за шиворот, пока не вмешался Иосиф. Покупатель дальше жалобы директору не пошел, но и той хватило. Йозеф ушел по собственному желанию и ни капельки не жалел о содеянном.

– Ну вот еще, черта с два я туда вернусь! – сказал в тот вечер он. – Я не позволю вытирать об себя ноги. Ты как знаешь, Иосиф, но я птица вольная и гордая.

Вот и решила гордая птица сделать перерыв, а там уже со свежими силами поискать работу. Можно и без санатория, вот только какой же тогда отдых без смены обстановки?

Еще Йозеф думал над тем, стоит ли доверять Иосифу квартиру, ведь он знает его всего два месяца. В принципе, рассудил арендодатель, поэт спокойный и тихий, даже слишком. Да и какие проблемы с ним будут? Он даже в шкаф не полезет, ему это не надо... В крайнем случае сначала попросит разрешение. Йозеф признал, что Иосиф – чуть ли не самый лучший арендатор за все время, поэтому мог на него положиться.

А что с поэтом? Пожалуй, последние события вымотали его сильнее, чем Йозефа. Журналисты, допросы, жалость со стороны знакомых – Иосиф не мог больше работать в редакции и, несмотря на все возражения Джуты, он отказался печататься. Она расстроилась, хотя заверила, что двери для него всегда открыты. Однако, зная ее не первый день, Иосиф прочитал в интонации: «Ну ты и слабак, конечно. Первого давления не выдержал! Ну, ничего, можешь всегда прийти снова, если кишка не тонка». Ульрих тоже удивился столь категоричному решению, но говорить ничего не стал, а лишь попросил одного: хотя бы созвониться с матерью. Жозефина, по его словам, снова едва не слегла от столь громкого и ужасного дела. Иосиф по-настоящему волновался за Жоззи и чувствовал укол в сердце, так как снова стал источником ее переживаний. Он с ней созвонился и полчаса слушал тираду: «Сначала забастовка, теперь наркотики и бандиты... Ты что, моей смерти хочешь? Подумал бы обо мне! Куда ты ввязался, малыш? Оно тебе надо?» Жозефина не дала возможности ответить; говорила она долго, даже немного всплакнула. Под нежный щебет Иосифа и его обещания больше так не делать она быстро успокоилась, выдохнула и сказала:

– Ты понимаешь, что теперь все внимание в моем окружении приковано к тебе?

– Правда?

– Да, тебя все мои знакомые знают, но не как кавалера, а как близкого друга.

Иосиф усмехнулся.

– Разве в этом есть разница?

– Не до шуточек сейчас, молодой человек. Я вполне серьезно говорю. Нас видели во время прогулки супруги Хайнц и графиня Сюзанна Арбалетская. Еще я говорила о твоём творчестве с редактором, доктором Керром. Уже четверо. А те по-любому, особенно последний, ещё своим знакомым разболтали; и недавние события подкрепили интерес. Вот на днях леди Барбара спрашивала о деле Хассе.

– К чему ты все ведешь?

– Свет хочет увидеть тебя, Иосиф.

– Неужели нельзя как-то отказаться? Я и так устал, Жоззи, мне хочется тишины и покоя.

– Все равно же ведь Йозеф уезжает, если мы будем аккуратны, он ничего не узнает. Когда ещё представится такой шанс? Ну, потерпи вечерок, прими у себя гостей, костюм надень поприличнее... Неужели так сложно?

На языке у Иосифа вертелся только один вопрос: «Зачем все это? Неужели нельзя у нее дома чай попить?» Поэту вспомнился разговор с Ульрихом о положении Жозефины. Если свет узнает, что она хотя бы дружит с человеком, который никак не относится к их кругу, то на старости лет испортит себе репутацию. Крайне для нее невыгодно, не говоря уже об Ульрихе.

– Но все же, Жоззи, – заговорил после молчания Иосиф, – как бы я ни хотел, я не поднимусь до твоего окружения. Мы

же из разных классов, у меня даже своей собственности нет.

– Я сказала, что ты по доходам стоишь пониже всех остальных, однако же приходишься моим кузеном – грубо говоря, потомок Куглеров по линии моей сестры. Понимаешь? Вот только она, как друзья думают, во Франции; от туда ты приехал сюда, чтобы землю родную повидать и научиться самостоятельности. Хотя на самом деле сестра уже давно-давно слегла и сейчас страдает от старческого слабоумия где-то в Южной Америке... Ладно, сейчас не о ней. Теперь ты двадцатидвухлетний студент-филолог, даешь уроки в клубе моего сына. Если что, с Ульрихом я это обговорила.

– Зачем так усложнять? Почему бы тогда просто не снять какой-нибудь коттедж неподалеку от Битенбурга?

– Цельный дом на один вечер? Глупо будет, нецелесообразно. Нет, можно и квартиру, только где я ее тебе найду? А так как Йозеф все равно уезжает, то...

Иосиф сел на диван и прикрыл глаза. Ренау как раз не было, он поехал смотреть санаторий; завтра арендодатель поедет туда с вещами, если его устроят условия.

– У меня уже голова идет кругом.

– Потерпи. К тому же не все решено: надо что-то на стол приготовить. Я попрошу Марию. Ужин запланирован на послезавтра, вот как раз мы с ней придем ближе к обеду, и она будет готовить. А ты до этого обязательно приберись, не позорь меня. Еще я тебе выделю деньги на нормальный костюм, тот столетний пиджак обязательно выкинь. Ну ладно,

мне пора. Пока!

Не успел Иосиф и слова сказать, как Жозефина повесила трубку. Неожиданно в замке щелкнуло и на пороге появился Йозеф. Глаза его сияли.

– Ну все, – сказал он, – завтра туда еду.

18

Иосиф не стал говорить Йозефу про разговор с Жозефиной; навряд ли тот разрешит во время своего отсутствия приглашать незнакомых людей. Более того, которые еще будут критиковать не слишком выделяющийся роскошью интерьер. «Все равно не узнает», – решил Иосиф. Он ночью спал плохо, обдумывал план, как произвести хорошее впечатление на круг общения дамы сердца, половина которого – ее друзья и родственники. «Тем более рано или поздно они и так узнают о наших отношениях. Хотя бы хорошее впечатление надо произвести».

На следующее утро Йозеф уехал. Когда Иосиф проснулся, арендодателя уже не было, поэтому он сразу же после завтрака начал уборку. Как раз суббота, выходной. Полдня поэт убирался: вытирал пыль, мыл полы, окна и даже постирал шторы. Вечером он отправился в клуб. Джута ничего не говорила о Хассе и не пыталась убедить вернуться в редакцию. Все прошло как обычно. Перед тем как уехать, Иосиф на пороге столкнулся с Ульрихом, тот предложил постоять у

входа. Поэт согласился. На осеннем морозе директор клуба затынулся и сказал:

– Подготовился?

– Да, – ответил Иосиф. – Ты завтра будешь?

– Не смогу, мне надо готовиться к контрольной. А ты смотри, не ударь лицом в грязь.

– Уж постараюсь, но все равно на меня будут смотреть как на нищего.

– В их глазах ты не нищий, а *потенциально богатый*. – Ульрих улыбнулся. – Вроде бы деньги есть, но ты человек практичный и самостоятельный.

– Как будто это для них норма, хотя сами в трехэтажных домах живут.

– Поверь, такое часто происходит среди представителей «золотой молодёжи», по разным причинам: одни хотят жить отдельно (как я), а других таким образом наказывают родители за разгулы. Так что это нормально. В наших кругах молодое поколение закаляют в непривычных условиях и приучают ценить деньги. Вот и ты такое же непутевое чадо. – Внезапно он стал серьезен и нахмурился. – И еще: ты, я думаю, знаешь, как вести себя с мамой при всех. Не дай Боже, если они узнают правду, я тебя предупредил.

На следующий день пришли с утра Жозефина с кухаркой-мулаткой. Последняя держала в руках сумки с продуктами и, едва кивнув Иосифу, сразу прошла на кухню. Жозе-

фина при встрече обняла поэта, поцеловала и стряхнула пылинку со свитера. Затем дама сердца направилась в его комнату и открыла шкаф, покачала головой.

– Нет, мой хороший, так нельзя. – Она достала потертый пиджак. – Так нельзя. Живо собирайся, поедем в магазин.

Иосифу ничего не оставалось, как покориться судьбе. Они поехали и выбрали дорогой костюм, черный, с золотыми запонками. К стыду поэта, заплатила Жозефина: доход ей позволял. Вскоре они вернулись домой. Мулатка орудовала на кухне; все плитки заняты кастрюлями, пар обволакивал стены и окна, пахло жареным мясом и вареными овощами.

– Надень костюм, Иосиф, – сказала Жозефина. – Я еще раз хочу на тебя взглянуть. Стой, ты куда?

– В комнату. Сейчас переоденусь и выйду.

– Неужели стесняешься?

– Да, – серьезно ответил поэт. – Не могу я переодеваться при даме, так уж воспитали.

Жозефина пожала плечами, мол, тебе виднее. Иосиф закрыл за собой дверь и подумал: «Ей же пятьдесят, как она может ставить под вопрос такие вещи? В ее возрасте это несколько... неправильно, что ли? Может, просто перенервничала, вот и ляпнула глупость».

Он разделся до трусов и стал натягивать рубашку, брюки и пиджак. Ему вспомнились мать. Она зорко следила за тем, как бы брат не зашел к старшей сестре в комнату, а та – к нему. Да и сестра постоянно ходила по наставлению матери

в сарафане и накидывала сверху шаль, а о косметике вообще речи быть не могло: ни ее, ни украшений дома не было. Более того, никаких ночевок у друзей. Отец никогда не целовал мать при детях в губы. Однажды Иосиф поинтересовался у него, почему она так строга, а тот пожал плечами и сказал: «Может, из-за того, что твоей сестрой мама забеременела в семнадцать, не хочет подобного для вас, вот и оберегает. Как говорится, береженого Бог бережет».

...Иосиф вышел к Жозефине. Она осмотрела его с ног до головы и просияла.

– Теперь ты готов.

19

Первый мерседес приехал ровно в шесть. К тому времени все было готово: усталая мулатка накрыла стол (точнее, объединенные одной скатертью два стола) шестью блюдами и отправилась домой. С ней же уехала Жозефина, дабы переодеться, и через полчаса вернулась в облегающем синем платье, которое подчеркивало ее бедра и грудь, тем самым даже делало моложе – так показалось Иосифу. Оно доходило почти до пола и сияло, как сапфир. К тому же в нем Жозефина ходила по-другому: неспешной походкой и для образа легонько, но ни в коем случае не вульгарно покачивала бедрами. Из сложного пучка волос выступали волнистые пряди, едва касаясь открытой шеи. «Как лань!» – подумал

с восхищением Иосиф, однако о себе не мог сказать ничего хорошего. Ходил он скованно, словно лакей перед гостями, не мог выгнуть спину, ибо пояс давил на живот, а накрахмаленный воротник сжимал шею, как петля, сколько бы поэт ни пытался его ослабить. И все же Иосиф старался выглядеть серьезным и даже надменным. Может, и не душа компании, зато будут уважать.

Когда вошли первые гости, он встретил их с улыбкой, а Жозефина подошла к ним со словами:

– Анна, Вельгус, как же я рада вас видеть! Иосиф, знакомься: супруги Хайнц.

Анна, худощавая старушка в бирюзовом платье в цветочек, с голубой накидкой, улыбнулась и протянула руку в перчатке. Иосиф поклонился и поцеловал ее. Гостья рассмеялась.

– Прелестный, дивный мальчик! И такой воспитанный... Редкое явление в наши дни. Правда, Вельгус?

Краснолицый круглый мужичок закивал и отдал Иосифу куртку.

– О да, дорогая, полностью с тобой согласен.

– Ну что же, – сказала Жозефина, – проходите, присаживайтесь. Чай или вино?

– Пожалуй, второе, а вот Вельгусу лучше первое, так как у него потом голова болеть будет и давление подскочит. Да, милый?

Мужичок погрузился и, сев в кресло напротив, провор-

чал:

– Да, дорогая.

Пока Иосиф разливал дамам вино, а себе и Вельгусу – чай, Анна Хайнц говорила:

– Право же, что за месяц! Столько событий, столько страстей передают – уму непостижимо. Ты не находишь это ужасным, Жоззи?

Дама сердца отпила вино и слегка нахмурилась.

– Да... У меня самой голова болит, хочется отдохнуть от всей жестокости. Ни дня без плохих новостей!

– Согласна. – Анна поглядела на Иосифа, который уселся возле дамы сердца. – А как, кстати, дело о Хассе проходит? Прогресс есть?

– Да, – ответил он.

– Когда суд?

– Не знаю пока. Как придет повестка, сообщу вам *сразу же*.

Иосиф улыбнулся. Что же за манеры такие: сразу с порога говорить о таких неудобных вещах? К тому же какое ей дело, когда будет суд? Улыбка получилась натянутой, и Анна нахмурилась. Неловкое молчание прервал стук в дверь. Иосиф встал и через несколько минут вернулся с новыми гостями. В целом на вечер пришло человек пятнадцать; кто-то приходился близким другом, кто-то просто давним знакомым, например супруги Хайнц, но, как сказала Жозефина, она всех очень хорошо знала. Иосиф же с каждым новым

гостем становился все мрачнее и мрачнее. Ее друзья такие вежливые, вычурно одетые, – это резало глаза. Их так много, никого временный хозяин дома не знал, и на душе неуютно, словно он пришел по приглашению, а не они к нему. Между тем голоса становились все оживленнее, музыка по радио играла все громче и громче, а вскоре стало тесно. Гости разделились на отдельные группы и стояли по разным сторонам гостиной, в основном сплетничали.

Возле полки с книгами спиной к поэту стоял Вельгус и хихикал. Иосиф смутился и хотел подойти к нему, но неожиданно дорогу преградила леди Барбара – тучная женщина со стрижкой под горшок и в платье лимонного цвета. В руках она держала бокалы с шампанским.

– Как у вас здесь уютно, герр Яффе! Вы молодец, честно. Правильно делаете, что полагаетесь на себя, в жизни такое пригодится. – Она подмигнула. – Я говорю от всего сердца, герр Яффе. Может, выпьем?

Иосиф не отказался: не хотел расстраивать жизнерадостную гостью. Он впервые в жизни попробовал шампанское: сладковатая жидкость зацепала на языке и пошла по пищеводу. «Почти как газировка», – подумал он, пока Барбара наливала ему второй бокал и говорила:

– Вам непривычно было одному в первое время? Без слуг, роскоши...

– Ну, ко всему привыкаешь, кроме холода. Знаете, так даже надежнее – одному держать порядок в доме. А роскошь

не самый важный показатель. Тут дело вкуса.

Она усмехнулась и протянула ему наполненный до краев бокал со словами: «Согласна с вами». Иосиф забыл уже о Вельгусе, ведь все равно за всеми не уследишь. Между тем Барбара заговорила о своем муже, который не приехал из-за болезни, но очень просил передать вино, так как он один из известных виноделов вот уже в пятом поколении. При виде старенькой темной бутылки Иосиф сначала смутился и про себя припомнил истории из клуба о первых попойках и похмелье. Поэт никогда не пил до сегодняшнего вечера. Однако он просто не мог отказаться. Барбара говорила и говорила, очень много говорила и при этом успевала наливать вино в бокалы и брать со стола закуски. Вино сначала показалось Иосифу очень горьким, на вкус напоминающим прокисший сок, но после нескольких небольших глотков он почувствовал прилив сил: по телу разошлось тепло, ему хотелось смеяться и улыбаться.

Вдруг за его спиной раздался недовольный голос Анны:

– Вельгус, иди сюда. Что ты там делаешь?.. Господи, что ты читаешь?!

Гости замолкли и повернули головы в сторону супругов Хайнц, которые стояли возле шкафа. Вельгус положил книгу на полку и покраснел, однако Анна выхватила томик и громко прочитала: «Роза и Жорж: откровение. Ночь утех и отчаяния». Лицо ее залилось румянцем, глаза заметали искры, и она развернула к народу обложку, где изображена во

весь рост нагая девица у окна. Среди гостей зашептались, Иосиф покраснел и залпом выпил четвертый по счету бокал. «Ух, Йозеф, ну ты даешь!» – подумал он, сделал шаг вперед и сказал:

– Извините, но что в этом такого?

Поэт повернул голову в сторону Жозефины, та прикусила губу. Но Анна уже подошла к нему без книги.

– Что вы имеете в виду, герр Яффе? Значит, вы допускаете чтение подобного рода литературы?

– Да.

– Ужас! Неужели наша цензура вот до такого опустилась? – Анна указала на книгу. – Вы считаете это нормальным? Я вам прямо заявляю: нет. Вот с такого... читва как раз и начинается духовная деградация народа. Сначала книги, потом фильмы, пропаганда... И еще он заявляет, что все хорошо!

Иосиф поджал губы, в груди кипело.

– Я же ведь не выставлял книгу напоказ, верно? Она просто тихо и безобидно лежала на полке, ну, даже если кто-то и заглянул – все мы взрослые люди. Почему же вы устраиваете такой скандал?

– Да потому что пора прекращать безобразие! И я про вас говорю, Жозефина, и про ваш клуб.

Та насупилась, но ее голос звучал спокойно:

– Почему же вы сразу приравниваете вкусы одного человека с направлениями клуба? Он читает её для себя, а там

подобную литературу даже близко не проходят.

– Неужели? Да вы просто не догадываетесь, что ваш клуб – настоящее растление для молодых умов. – С минуту Анна помолчала, словно прислушиваясь к шепоту из толпы, и повысила голос: – Моя дочь уже запустила учебу и стала читать порнографию! Ну, что же вы на это скажете? Ваш кузен только подтверждает мои слова: такому сборищу либералов, как ваш клуб, не место в нашем обществе. Именно по этому вопросу я и пришла сегодня к вам, Жозефина.

Дама сердца побелела и скривилась. Иосиф встал между ними. Он пошатывался и икал; разум затуманивался, поэт смотрел мимо людей, пытался сфокусировать взгляд. Ситуация и все участники казались ему такими смешными и даже комичными, а Анна как актриса, что стоит посреди спектакля и пытается обратить на себя внимание. Иосиф усмехнулся и сказал:

– Уважаемая фрау Хайнц, не надо кричать, давайте успокоимся. Вы испортили вечер и раздули скандал – для чего? Почему мы не можем хотя бы спокойно это обсудить? Если уж на то пошло, я скажу так: лучше присматривайте за вашим мужем. Вот, он снова полез в шкаф! Если я вдруг чего-то обнаружу в вещах, пеняйте на себя.

Женщины ахнули, мужчины зашептались. Анна с минуту стояла на месте, приоткрыв рот и сжав кулаки, но все же поглядела на мужа. Вельгус снова стоял возле полок с книгами, но скорее опирался на них и смотрел на жену. От него даже

за два шага разило вином.

– Пошли, Вельгус.

Мужичок, пошатываясь, поплелся за ней, и оба ушли, напоследок хлопнув дверью. Жизнь вошла в привычную колею, все разбрелись по гостиной. Жозефина взяла Иосифа под локоть и отвела на кухню; лицо ее приняло озадаченное выражение. Поэт усмехнулся и поцеловал ее в губы, прошептал: «Ты такая красивая». Она даже не улыбнулась и заговорила:

– Иосиф, я понимаю твое возмущение. Вот только лучше не связывайся с ней, слышишь? Она очень злопамятна и имеет хорошие связи в прокуратуре.

Иосиф отвернулся и скрестил руки на груди.

– Что мне с того, что у нее такие-то связи и такой-то нрав? Не позволю я скандалов в моем доме.

Он стукнул кулаком по столу. Жозефина улыбнулась.

– Это не твой дом, но допустим. Анна очень ворчливая, без крайней необходимости ее угрозы дальше слов не идут. Да, в такой ярости я ее впервые вижу, однако же, мог бы и промолчать. Зачем распри? Тем более ты младше.

– Ну и пускай она валит к себе. Лучше за мужем пусть присматривает. Я вообще не понимаю, какого черта ты этих... этих макак из ателье пригласила.

Она рассмеялась и поцеловала его в губы.

– Ну-ну, сам не ворчи. Завтра я с ней поговорю, и все уладится. Ну же, пошли к гостям. И улыбочку натяни, хотя бы

для приличия...

Иосиф наклонился к ней, с жаром прильнул к ее губам и обнял за талию. Жозефина покраснела и зашептала: «Увидят... отпусти». Он выполнил ее просьбу; она отшатнулась, лицо залилось румянцем.

– Давай попозже, когда все уйдут...

20

...Иосиф поморщился; солнце слепило прямо в глаза. Не поднимая век, он перевалился на другой бок и почувствовал чью-то руку. На секунду в голове мелькнула мысль, кто же это мог быть, но тут раздался голос Жозефины прямо над ухом:

– Ой, щекотно...

Поэт открыл глаза. Голова туманилась. Тяжелая, как свинцовый шар, она не держалась прямо и сваливалась набок, картинка плыла перед глазами, а в горле пересохло. Иосиф поморщился, однако увиденное заставило его вострепнуться и даже вскочить.

Он стоял над кроватью абсолютно нагой; солнце проникло в его комнату сквозь плотные шторы, часы показывали десять утра. Жозефина лежала на кровати такая же голая, натянув одеяло до плеч. Увы, но Иосиф ничего не помнил. После ее слов «...когда все уйдут...» память погасла, как лампочка, и вот теперь поэт стоял перед своей возлюб-

ленной нагишом. При виде озадаченного лица Иосифа Жозефина привстала на локтях и оттряхнула с лица волосы.

– Что случилось?

Голова разболелась сильнее, в висках пульсировало. Иосиф поморщился и присел на кровать.

– Что я наделал? – прошептал он и зевнул.

Жозефина приобняла его за плечи, поэт вздрогнул.

– Что ты наделал, милый? Ты по поводу Анны?

Иосиф посмотрел на нее и поднял бровь.

– Какая Анна, Жоззи? Я обо всем этом.

Он развел руками. Она хихикнула.

– Ну да, поигрались немножко, когда гости ушли. Не волнуйся ты так, в этом нет ничего такого...

– То же самое говорил отец перед тем, как обрюхатить сестрой мою мать.

Иосиф надел очки и стал застегивать подобранную с пола рубашку.

На лбу у Жозефины образовалась вертикальная складка, блеск в глазах потух.

– Да что с тобой?

– Господи, Жоззи, неужели ты не понимаешь? Это неправильно, это... не должно быть по пьяни.

– Всякое бывает в жизни, Иосиф, и не всегда плохо все заканчивается. Забеременеть я уже не смогу, лет немало. Ты переживаешь из-за потери невинности? Не волнуйся, малыш, такое рано или поздно должно было случиться, – по-

следние слова она проговорила с особой нежностью.

Однако Иосиф с тем же бесстрастным видом натянул трусы и штаны.

– Нет, не могу я так. Я просто не могу. Меня не так воспитывали; мама и сестра ходили всегда с закрытыми шеями, в сарафанах, застегнутых на все пуговицы, и я просто не могу, Жоззи, не могу целовать любимую, понимая, что... – Он снова поморщился. – ...*Наслаждался ее телом!*

Дама сердца села, прикрывая наготу лишь ниже пояса.

– Глупо так себя вести, Иосиф! И что теперь, даже руки нельзя касаться? А ну-ка прекращай ныть и иди ко мне.

Поэт взглянул на нее – и не тронулся с места.

– Извини, но нам, я думаю, стоит отдохнуть друг от друга на время... Мне надо подумать.

Жозефина цокнула и стала одеваться. «Как маленькая, честное слово», – подумал поэт, стараясь не смотреть на нее. Наконец она оделась и ушла, хлопнула напоследок дверь. Теперь Иосиф остался один. Он посмотрел в окно, на залитую солнцем улицу, и тяжело вздохнул.

Глава 5

Шантаж

21

Йозеф вернулся раньше, чем Иосиф думал. Ренау пришел в тот же день, когда поэт расстался с Жозефиной и затем в раздумьях принялся за уборку. Он убрал столы, постирал скатерти, доел остатки закусок и уже мыл посуду, когда дверь отворилась и на пороге появился Йозеф с чемоданами.

– Это я, встречай.

Иосиф подошел к нему с полотенцем в руках.

– Ого! Я думал, ты позже придешь.

Он махнул рукой.

– Даже не спрашивай. Приехал туда, ожидал большего, а в результате в ихнем санатории одна скукота: алкоголь пить нельзя, курить только на улице, радио одно на все крыло, и то там только музыка играет – нет новостей или результатов матчей, как в барах. И чем там заниматься, спрашивается?

– Ну, можно книжки почитать, погулять на свежем воздухе, поболтать с новыми соседями за чашкой чая вместо пи-ва...

– О нет, избавьте! Не такого сорта я человек, увы. – Йозеф

передернул плечами. – Ну, я бы потерпел, а тут заговорили о бродягах, которые пришли отдыхать и не платят вот уже несколько дней, вдобавок тараканов развели. Теперь эти ихние мелкие гадины ползают везде: от целебных ванн до кухни. Бродяг выгнали, паразиты остались. На то они и паразиты. Короче, не выдержал я, забрал деньги за оставшиеся дни и вот – прошу любить и жаловать! – Он вытащил из кармана несколько купюр и потряс перед носом поэта. – Ну что, как ты? Чем это от тебя пахнет? – Он слегка наклонился и усмехнулся. – Неужто ты пил?

Иосиф вздохнул.

– Да, есть такое.

– Ну и как?

– Ужасно: голова до сих пор болит.

– В первый раз всегда не очень, потом привыкнешь. Чего-то случилось? Ты какой-то мрачный.

Иосиф не стал говорить о вчерашнем вечере. Тем более он избавился от «улик»: столы расставлены по местам, посуда почти вымыта. Поэт рассказал лишь про сегодняшнее утро. Йозеф слушал молча, а когда Иосиф закончил, он сказал:

– Ну ты и дурак. Тогда иди в священники, раз уж на то пошло. Какая муха тебя укусила, Иосиф?

– Я ответственный человек, – ничуть не смутился тот. – Надо смотреть на жизнь трезво.

– Но не как старушка-монашка. Будь проще, малыш, иначе так и проживешь всю жизнь один. Запомни, что, помимо

ответственности, есть еще и жизнь веселая – в рамках закона, конечно. Советую сейчас же позвонить ей и извиниться, ты не прав.

Иосиф заколебался. Он все еще не мог понять до конца, как поступил с дамой сердца. Всю жизнь поэт избегал интимных тем; мать утверждала: наслаждаться близостью – низко и мерзко. Надо это делать исключительно из чувства долга, для продолжения рода. Те люди, которые делают это ради удовольствия, психически больные, они в любой момент могут изнасиловать или будут заглушать неудовлетворенность алкоголем и наркотиками. Отец, насколько Иосиф помнил, обычно во время таких дискуссий не высказывал одобрения ее словам, но и не возражал, сидел в углу с газеткой и читал. Однажды поэт, будучи двенадцатилетним мальчишкой, нашел на чердаке тайник с коробочкой, где лежали карты с голыми девицами; отец застал его, рассмеялся и попросил после просмотра положить коробку на место и не говорить маме. После того случая Иосиф засомневался в психическом здравии отца, однако ничего не говорил. Вроде бы папа прежний, такой же спокойный и трудолюбивый. Подобное случилось и с сестрой. Она однажды рассказала, как парень ее поцеловал и ущипнул за попу, а ей это понравилось. Иосиф поморщился и высказался, и сестра перестала делиться с ним личной жизнью, пока не привела того самого парня домой и не заявила, что выходит замуж. Тогда мать смирилась с невозможностью держать дочь всю жизнь

под своим крылом, дала добро вместе с отцом, и сестра съехала. Это случилось за год до совершеннолетия Иосифа, и на него свалилось хозяйство, а также тяжелая программа старших классов. Не до личной жизни ему стало. У него была одна девушка, одноклассница, но отношения дальше одного поцелуя не пошли, и та быстро ушла к другому. Также Иосиф влюбился в учительницу, но, понимая всю аморальность чувств к наставнице, он лишь посылал пару раз цветы от «тайного поклонника Икс». Вскоре поэт перестал так делать, его внимание полностью заняло творчество и учеба, зато спустя год он встретил Жозефину.

Но не мог Иосиф сейчас взять и извиниться. «Мне нужно подумать», – решил он.

Пока поэт размышлял, Йозеф подошел к шкафу...

– Иосиф, – спокойно сказал Ренау, даже улыбнулся, – подойди сюда, пожалуйста.

Поэт перевел взгляд с арендодателя на шкаф. Дверца под полкой с книгами открыта нараспашку, под ногами валялись скомканные вещи.

– Что?

В одну секунду лицо Йозефа побелело, губы сжались, зрачки сузились. Он положил деньги из санатория на полку, схватил Иосифа за плечи и встряхнул.

– Где. Мои. Деньги?

Поэт от рассеянности втянул голову в плечи.

– Какие деньги?

– Те, что лежали в шкафу.

– Я не видел никаких денег.

Ренау вцепился ему в волосы и слегка пошевелил рукой, грозясь в любую секунду дернуть ею. Иосиф поморщился, но молчал.

– Ты еще скажи, что бардак в вещах навел я. Где деньги, я спрашиваю?

Арендатор сжал зубы в ожидании самого худшего и сказал:

– Господи, да не нужны мне твои деньги! – Вдруг его осенило, глаза заблестели, он заговорил увереннее: – Я знаю, кто это. Вельгус.

Йозеф слегка ослабил хватку, но не отпускал Иосифа.

– Кто-кто?

22

– Нет, ну прекрасно, нечего мне добавить! Стоит на несколько дней уехать, как ты тут же приглашаешь богатеев и они воруют у меня деньги. Я считал, тебе можно доверять.

– Прости, Йозеф.

– Извинения в карман не положишь.

Спустя несколько минут после рассказа Иосиф и Йозеф занимались уборкой.

– Где нам, по-твоему, искать этого Хайнца? – сказал Ренау после небольшой паузы.

Поэт задумался.

– Может, Жозефине набрать?.. Хотя нет, сначала...

Вдруг раздался телефонный звонок. Иосиф взял трубку.

– Яффе у аппарата.

– Иосиф, какого черта? Что вчера произошло?

Поэт поморщился и подумал: «Сейчас буду с ним объясняться, что не общаюсь с его матерью из-за близости по пьяни». Иосиф надкусил дужку очков и как ни в чем не бывало заговорил:

– О, привет, Ульрих. Что случилось?

– Почему Анна Хайнц пишет мне письма с угрозами пожаловаться в полицию на клуб?

Поэт встрепнулся, мысли о Жозефине вылетели из головы.

– Я так и думал.

– Да что вчера произошло?

– Давай не по телефону, ладно? Я сейчас приеду...

– Нет, лучше я. Здесь и так Джута со своей редакцией...

Не хочу ее напрягать. Через пятнадцать минут буду, жди.

Иосиф положил трубку и стал поднимать с пола носки.

Ульрих приехал даже пораньше. Выглядел он подавленным и не выспавшимся. Поэт поставил чайник и рассадил за столик арендодателя с гостем. Йозеф сел рядом и игнорировал арендатора, тот смирился. Впрочем, Ульрих не обращал внимания на третьего лишнего и сразу перешел к делу. Как оказалось, утром директор обнаружил у себя в ящике

телеграмму с угрозой закрыть клуб, и причина – «избежать подполья и развратного воздействия на нежные умы молодежи». Однако Ульрих знал ещё одну причину, хотя Анна о ней не говорила. Двое ее детей пошли по наклонной: дочь, член того самого клуба для молодых писателей, употребляет наркотики, и ни для кого это не секрет. Старший сын почти никогда не бывает дома, гуляет с компанией и в свои двадцать пять до сих пор тянет деньги из родительского кошелька. Ульрих попытался поговорить с Анной по-хорошему, однако та категорична. «Надоела мне ваша демократия! – кричала она в трубку. – Только и знают, как нарушать законы». – «Но у нас приличный клуб, – говорил директор. – Он не подпольный. Да, навряд ли некоторые наши произведения прошли бы цензуру, но мы свои идеи не распространяем, как революционный кружок. Мы имеем полное право в нашем клубе обсуждать все, что заблагорассудится». Но фрау Хайнц настаивала на своем и закончила беседу так: «Либо ты закрываешь клуб, либо я иду в полицию... для начала». Ульрих не сдержался и со словами «Как бы ваш сын туда раньше не попал» повесил трубку. Он позвонил Жозефине. Мать рассказала о конфликте между Анной и Иосифом накануне, а еще дала адрес семьи Хайнц – на всякий случай. Вот Ульрих и решил для начала заехать к Иосифу, разобраться в деле, а потом они вместе съездили бы к Анне и попытались уговорить ее.

– Я вчера еще понял, – заговорил поэт после минутного

молчания, – что она женщина упертая. Скорее всего, на уговоры не согласится, надо быть жестче.

Ульрих скрестил руки на груди.

– Ну и что ты предлагаешь?

Неожиданно заговорил Йозеф:

– Ее муж украл у меня деньги. Шесть марок было в коробочке.

Директор клуба присвистнул.

– Серьезное заявление. Вы уверены?

– Абсолютно.

– Я тоже, – добавил Иосиф. – Предлагаю так: либо она идет в полицию, и тогда Йозеф напишет заявление о краже, либо все решим мирным путем, и Вельгус также отдаст деньги. Думаю, таким важным персонам, как семья Хайнц, скандалы не нужны.

– Верно, – сказал Ульрих. – Вообще давненько журналисты из желтой прессы писали о kleptomании Вельгуса, однако им мало кто верил, так как информация неофициальная, поэтому быстренько все дело замяли. Если Йозеф напишет заявление, скандал будет таким громким, что Вельгусу уж точно не избежать наказания – хотя бы условно или принудительное лечение. Да, жестоко, но можно попробовать. Тогда, надеюсь, фрау Хайнц от нас отстанет. И кстати, Иосиф, почему ты с мамой не общается? Она переживает и говорит, ты ей ни разу за день не позвонил.

Поэт пробормотал: «Потом расскажу», и все трое напра-

вились к машине Ульриха.

23

Супруги Хайнц жили в Центральном округе, на Голубой аллее. Доехали мужчины быстро и без пробок. У входа их встретила экономка и после просьбы впустить отправилась в дом, потом вернулась и открыла ворота. Чем ближе Иосиф подходил к жилищу, тем больше его уверенность падала, словно камень с обрыва. «Допустим, – думал поэт, – Вельгус куда-то закопал коробку или кинул в озеро, а без улик и дела-то не будет, потом еще обвинят Йозефа в клевете». Когда они прошли в дом и служанки предложили какао, настроение поднялось. Фойе обставлено по-скромному. Пахло женскими духами и древесиной, в углу пылал камин, а на стенах висели редкие картины, потрепанные временем. Никаких статуэток на полках, только вазы с цветами и фотографии. Анна и Вельгус Хайнц спустились быстро – в халатах и тапочках. Фрау казалась в таком виде менее злобной, однако лицо ее при виде гостей приняло каменное выражение, она поджала губы.

– Ну, что вам?

Гости расселись по креслам напротив, и Ульрих начал:

– Госпожа Хайнц, я пришел к вам с мирными намерениями. Во-первых, прошу прощения за те последние слова, которые я вам в порыве злости высказал...

– Принимается. Что еще?

– Во-вторых, я хочу задать вам такой вот вопрос: оно вам надо? Вы же понимаете, какой поднимется скандал. Зачем вы лишаете нас, молодежь, удовольствия в жизни? Сначала вы злились, что мы слоняемся после учебы по барам, а когда мы организовали встречи в библиотеке, вы теперь негодуете, почему читаем свою написанную литературу, а не Гете или Шекспира. Допустим, клуб закроют – и что тогда будет? Разве что-то поменяется в вашей жизни или жизни общества?

– Да. Моя дочь перестанет к вам ходить.

– Госпожа Хайнц, я же не могу встать на пороге, загородить проход и сказать ей: «Не пройдешь, тебе мама запрещает». Тем более вашей дочери уже двадцать три, она давно совершеннолетняя. Уже не маленькая, сама определится, куда ей ходить и какую литературу читать. Вы не сможете ее держать вечно в ежовых рукавицах. И добавлю напоследок: не обязательно читать провокационную литературу, чтобы хоть как-то уклоняться от правильного образа жизни.

– Вы пропагандируете это.

– Почему? Да, есть такие, кто пишет о любовных похождении или наркотиках, но мы не все про это пишем и уж точно не в целях пропаганды. Вот, например, Иосиф...

– Я вообще о нем слышать не желаю. Наглец!

Поэт побагровел, но промолчал. Вельгус наклонился к супруге и погладил ее руку.

– Ну, тише, тише. Все хорошо.

Анна насупилась. Иосиф посмотрел на Ульриха; при неравномерном свете камина казалось, будто на его лице появились морщины. Он тяжело вздохнул и сказал:

– Что ж, я вас понял, фрау Хайнц. Но мы не только по тому вопросу пришли, есть еще кое-что...

– Вы украли у меня деньги, герр Хайнц, – сказал Йозеф, который решил подыграть Иосифу относительно «его» квартиры. – Я одолжил Иосифу их по кое-каким причинам, оставил в шкафу. Там было шесть марок. Коробку я сегодня не обнаружил. Что вы скажете?

Анна подняла брови, Вельгус выпрямился, однако на лице не дрогнул ни один мускул.

– Клевета, – сказал он, глядя Йозефу в глаза. – Абсолютная клевета!

– Вы вчера рыскали в шкафу, – сказал Иосиф, – и вас видели все гости. Спросите у Жозефины или у той же леди Барбары. Вот вы, фрау Хайнц, тоже видели.

– Но у мужа ничего не было в руках, – сказала она.

– Не исключено, что он успел ее спрятать. Тем не менее его видел я, поэтому у меня, как и у моего друга, есть все основания полагать, что ваш супруг выкрал коробку, что лежала полкой ниже, в вещах.

– Господи, да зачем мне лезть туда? – сказал преступник. – У меня дом, участок. Зачем мне сдались шесть марок из штанов? Там же не только я один был, мы раньше всех ушли...

– А откуда вы знаете, что коробка хранилась в штанах? –

сказал Йозеф и подался вперед.

Наступило молчание. Вельгус осекся и скис, Анна уставилась на него во все глаза; ее лицо стало белый как полотно.

– Вельгус, это правда?

– Я просто предположил... – пробормотал он.

– И неожиданно попал в точку, – сказал Йозеф, не скрывая улыбки.

Анна вскочила.

– Зачем ты так сделал? Куда ты ее умудрился спрятать?

– Под пиджак, все равно же висел он на мне как на вешалке... Но... но, дорогая, коробочка была такой красивой... из-под печенья.

Она уперла руки в бока.

– Ах, из-под печенья! А ну-ка живо неси ее сюда, и вместе со всеми деньгами!

Вельгус подскочил, как ошпаренный, и рванулся наверх. Когда муж ушел, жена со стоном опустилась в кресло и пробормотала: «Опять за свое...»

– Опять или нет, – сказал Йозеф, – но, я думаю, никому ведь проблемы не нужны, так? Заявление, полиция, пресса...

Хайнц приоткрыла глаза и оглядела всех троих.

– Вы это специально... Вы шантажируете болезнью супруга! Да я вас...

Ульрих встал.

– Так, мне этот цирк надоел. Я с вами говорил и так, и

сяк, а теперь заявляю прямо: либо вы оставите мой клуб в покое, либо Йозеф пишет заявление в полицию, и тогда будет ох какой скандал! И явно не в вашу пользу. У нас есть свидетели, мы найдем на вас управу.

Анна уже открыла рот, как вдруг вернулся Вельгус с коробкой. Йозеф выхватил ее, пересчитал все деньги и кивнул.

– Все на месте.

– Ладно! – воскликнула Анна и тут же приняла бесстрастный вид. – Хорошо, Ульрих, я принимаю условия. Надеюсь, мы договорились.

– Я тоже, – сказал директор клуба, и гости направились к выходу.

Глава 6

Подарок для Йозефа

24

Прошло несколько дней. Как бы поэт ни извинялся перед арендодателем, доверие как ваза: раз разобьешь – уже не склеишь. Йозефа больше заботило то, куда перепрятать сбережения. В итоге он остановился на плинтусе под диваном: на днях там образовалась огромная дыра, которую, впрочем, издали не видно. Йозеф затолкал туда деньги, предварительно переложив их в портмоне бабушки. Также он поднял вопрос о выселении поэта. Иосиф не хотел уезжать, ведь ему некуда податься, кроме как к родителям. Это означало, что придётся больше времени тратить на дорогу и жить под родительским надзором. Так что Иосиф просил у арендодателя прощение и разрешение остаться. То ли Йозеф это сделал из жалости, то ли действительно простил арендатора, но он все-таки разрешил ему остаться, только с одним условием: «Малейший промах – и пойдешь отсюда вон». Ренау решил дать студенту шанс, так как тот допустил промах только один раз. Более того, Йозеф привык к нему, деньги все еще нужно копить на море, да и где он найдет таких тихих арен-

даторов? Так Иосиф и остался. Правда, отношения между ними охладились. Йозеф теперь по барам не разгуливал, и его постоянные пребывания дома поэт заметил спустя почти неделю после визита к семье Хайнц. Эта подозрительность нагнетала Иосифа, но он понимал, что сам виноват.

Жозефина и Иосиф так и не виделись, он все время откладывал разговор. «Завтра, завтра», – говорил себе поэт, но не звонил, хотя на душе без дамы сердца тоскливо. Он и сам не понимал, кто его держит, однако не мог побороть стыд.

Ситуация в клубе улучшилась, Анна больше не объявлялась. Ульрих постоянно спрашивал Иосифа об отношениях с матерью. Поэт уходил от ответа. Его жизнь крутилась теперь вокруг клуба, учебы и работы, свободного времени не осталось.

Так продолжалось всего неделю, пока не случилось вот что.

Удивительно, но в пятницу Йозеф решил пренебречь бойкотом. Он с утра подошел к Иосифу и сказал:

– Может, сходим в бар вечером?

Арендатор улыбнулся.

– Да, давай.

– Тут, это, день рождения у меня, вот. А без Фундука как-то скучно.

– Поздравляю тебя. Я тогда куплю подарок.

Йозеф махнул рукой.

– Не надо. Просто посидим, пивка попьем – что еще нуж-

но для счастья?

Впрочем, Иосиф захотел сделать приятное и как-то загладить вину. Ему пришла в голову идея. До забастовки, когда Йозеф по вечерам выпивал с Фундуком или с другими коллегами по цеху, он неоднократно говорил о магазине за углом под названием «Берлога», что располагался сзади бара и примыкал к нему. Там продавали всякую всячину, по большей части оружие и удочки. Йозеф очень хотел вернуть себе охотничий нож, который год назад проиграл в карты владельцу, однако в магазин его не пускают, потому что он устроил скандал и подрался. Иосиф видел фотографии ножа. Для Ренау он был семейной реликвией, которая досталась от погибшего деда. Нож маленький, в красном чехле, с изображением волчьей морды посередине, как на гербе страны. «Просто хочется сохранить себе на память», – говорил арендодатель.

В общем, Иосиф твердо решил выкупить нож и вернуть его Йозефу.

Так как сегодня пятница, бар «Сладкая карамелька» был полон народу. С трудом Иосиф и Йозеф протеснились до стойки, именинник заказал пиво. Поэт растянулся в улыбке и с громким «За твоё здоровье!» опустошил стакан до дна. Холодная пенная жидкость растеклась по горлу, Иосиф вздрогнул. «Надо дома чай выпить, чтобы не разболеться», – подумал он. Йозеф же поставил с грохотом стакан и заказал

еще.

...Прошло два часа. Часы показывали десять вечера. Ре-
нау разлегся на стойке и крутил в руке пустой стакан. Иосиф
сидел рядом, откинувшись на спинку стула; в голове пому-
тилось, изображение прыгало и расплывалось перед глазами.
Он вспомнил о ноже только сейчас, лениво потянулся и про-
мямлил:

– Йозеф, может, пойдём? Время уже...

Тот зевнул и поглядел на часы.

– Погоди, покурю. Ты подождешь?

– Угу.

Народу в баре немного поубавилось, и все же было тесно.
Йозеф с Иосифом, пошатываясь, побрели к выходу. Мути-
ло. Иосиф пару раз останавливался, когда тошнота подкаты-
вала к горлу, но все же они вышли на свежий воздух, стало
лучше, мысли немного прояснились. Йозеф прислонился
к стенке и закурил. Поэт сказал:

– Мне кое-куда надо, Йозеф. Это ненадолго, я сейчас при-
ду.

Тот не стал допытываться и кивнул.

Иосиф побрел за угол. Дощечка с надписью «БЕРЛОГА»
висела над старой железной дверью, которая походила ско-
рее на черный ход. На секунду Иосифу показалось, что мага-
зин закрыт, но на его удивление в окнах все еще горел свет.
Поэт пожал плечами, вошел внутрь и очутился в маленькой
лавчонке, пропитанной запахом древесины. Над прилавком

висели ружья и пистолеты, на полках красовались фляги и холодное оружие с разнообразными чехлами, а в дальнем конце лежала груда удочек и прочих рыбацких снастей. За прилавком располагалась дверь, оттуда доносились приглушенные голоса из бара. В сторонке сидел толстый мужчина в свитере и с бородкой. При виде Иосифа он усмехнулся и сказал:

– Чего тебе надо, сынок?

Поэт подошел поближе и пригляделся к прилавку. Нож Иозефа он заметил сразу: тот лежал на нижней полке, а тусклый свет лампы переливался на узоре с изображением волка.

– Мне нужен нож в красном чехле. Вон там, внизу, слева.

Продавец с кряхтением нагнулся и подал товар.

– С вас две марки.

Пока поэт рылся в кошельке, сзади заскрипела и застонала дверь.

– Эй, Гроза, привет!

– И тебе привет, дружище.

Продавец улыбнулся, а Иосиф обернулся, едва не выронив деньги на пол.

Нет, это не пьяные галлюцинации, не помутнение рассудка – на пороге действительно стоял Руперт Хассе.

За три недели после ареста он очень сильно похудел: паль-

то и потрепанные брюки свисали с него, как с тряпичной куклы. Лицо обросло бородой и пышными усами. Однако Иосиф его узнал по тем же самым красным глазам с суженными зрачками и безумному блеску в них, по тем же чертам лица и по голосу, на удивление бодрому.

Похоже, Хассе узнал поэта, так как подошел к нему и пожал руку.

– Ну что, как дела, юный журналист? Как статьи?

«Как же так, откуда ты сбежал? – подумал Иосиф. – Его наверняка разыскивают, а он еще спрашивает, как у меня дела!»

– Нормально, – наконец сказал поэт. – А вы как?

Хассе похлопал его по плечу.

– Жизнь прекрасна, друг мой. Ну что ты вылупился? Не ожидал меня встретить?

– Но вы же были... в психушке.

– «Был» – вот главное слово в твоей речи. Да, я там *был*, а сейчас свободен.

– Как вас отпустили до суда?

– Сынок, я сам себе суд.

Иосиф расплатился и сунул нож за пазуху. Хассе тем временем обратился к продавцу:

– Гроза, есть что-нибудь новенькое? Да ты не бойся, Иосиф свой.

Продавец усмехнулся.

– Да я вижу. Такая же крыса, как и ты.

Они рассмеялись, Иосиф насупился, но не уходил: любопытство овладело им. Вдобавок помутненное сознание мешало думать: просто уйти или позвонить в полицию? В трезвом уме ответ был бы для законопослушного поэта очевиден, однако сейчас при мысли об аресте у него в голове складывалась картина из нескольких часов допроса, бумаг и очередных скандалов, которые уже осточертели Иосифу за этот месяц. И все же уйти вот так просто, оставить психопата-наркомана, который готов за дозу убить, не совсем правильно...

Пока Иосиф колебался в стороне, Гроза сказал:

– Да, у меня товар есть, в твои гроши я тоже верю, но ты не вовремя. Сейчас должен прийти Эцэль со своей шайкой, они как раз там заказали крупную партию и не особо-то жалуют свидетелей.

Хассе упер руки в бока.

– И что теперь? Это магазин для общего доступа, так что пускай ждут, а ты мне дай товар.

Продавец со вздохом наклонился за стойку, и вдруг входная дверь снова закрипела несколько раз подряд. Без того маленькое помещение магазина наполнилось еще тремя людьми не намного старше Иосифа. Впереди всех, расправив плечи, шагал в ботинках мускулистый парень с коротко постриженными волосами и в косухе. Он задрал подбородок, бросил взгляд на поэта, фыркнул и подошел к стойке.

– Эй, старче, отойди.

Хассе медленно развернулся и поднял бровь.

– Соблюдайте очередь, молодой человек. Проявите уважение к старцам.

– Не дури голову, а. По-хорошему прошу. Дай нам купить дурь.

– В очередь, – еще жестче повторил писатель.

– Не ссорьтесь, ребят, – сказал Гроза. – Дури на всех хватит.

Эцэль обнажил зубы, и Иосиф заметил, как рука его полезла в карман и достала оттуда сверкающий металлический предмет, который тут же уперся Хассе в живот. Писатель не пошевелился, ни один мускул не дрогнул на его лице. Иосиф попятился к двери и нащупал дверную ручку, готовый в любую минуту ринуться наружу и позвать полицию. В гробовой тишине Эцэль сказал:

– Ну так что, отойдешь или нет?

Вместо ответа писатель стремительно, как опытный боец, выбил из рук пистолет. Оружие покатилося за стойку. Эцэль врезал Хассе в ухо, он с бранью склонился набок и ударил в ответ ногой в пах. Противники вцепились друг в друга мертвой хваткой и упали на пол. Друзья Эцэля ринулись к ним, у одного из них в руке сверкал нож. Гроза мгновенно схватил пистолет и выстрелил в вооруженного, тот упал замертво. Другой же выхватил нож и набросился на продавца. Иосиф не смог разглядеть очертания соперников. Брызги крови разлетелись по сторонам, окрасили полки и антиквариат. Одна капля даже задела щеку Иосифа; желчь подкати-

ла к горлу, но поэту чудом удалось сдержать рвотные позывы. Он уже открыл дверь, когда сзади раздалось:

– Закрой дверь или я стреляю! Подними руки, чтоб я видел!

Иосиф вздохнул, поднял руки и медленно развернулся. Друг Эцэля в окровавленной одежде стоял за прилавком, нацелил пистолет в упор. Убедившись, что запуганный свидетель замер, он развернулся к борцам. Эцэль оттолкнул Хасе к стойке, вскочил и попятился подальше от противника, а друг без промедления выстрелил.

Тело писателя дергалось в конвульсиях еще несколько минут, пока не обмякло в луже крови. Последнее, что увидел Иосиф, – потухший блеск в безумных глазах.

26

– Ну и что теперь с этим делать? – спустя несколько минут молчания спросил друг.

Эцэль рылся в коробках, брал оттуда пакетики с «дурью» и убирал в карман. Он мельком взглянул на застывшего Иосифа и бросил:

– Убей его.

– Стойте! – сказал поэт. – Я ничего не скажу, честно...

Сзади скрипнула дверь. Иосиф отскочил, Эцэль замер с мешочками в руках. При виде новенького он просиял и бросился к нему с медвежьими объятьями.

– Йозеф, браток, ну сколько лет, сколько зим!

– Привет, – как ни в чем не бывало сказал Ренау и похлопал его по спине. – Ты что, проездом?

– Ага. Тут, того, перепалка произошла...

– Йозеф, – прошептал Иосиф.

– Заткнись! – рявкнул Эцэль.

– Что ты тут делаешь? – сказал Йозеф, повернувшись к арендатору.

– Стоп! Вы что, знакомы?

– Он у меня снимает комнату.

Неожиданно Эцэль рассмеялся, даже его друг улыбнулся и убрал оружие.

– Ошибочка вышла, – сказал Эцэль Иосифу. – Прости, братан.

Поэт не пошевелился. Йозеф посмотрел на трупы, нахмурился и подошел к телам; улыбка сменилась оскалом.

– Придурки, чего вы наделали? Я еще могу понять, за что Грозу, но, черт возьми, это же Руперт Хассе, известный, мать вашу, писатель! Что, опять хотите загреметь?

– Но ты же нас не выдашь, правда? – сказал Эцэль уже без энтузиазма, подошел к коробке и стал поспешно перекладывать по карманам пакетики. – Ну же, братан...

– Я из-за вас и так чуть не сел.

– Помню, помню. Ну, братан, это как-то не по-мужски.

Йозеф подошел к Эцэлю и схватил за косуху. Тот обронил пакетики, но не сопротивлялся. Иосиф впервые заметил у

него расширенные зрачки. Друг же нацелил пистолет, однако Ренау даже не взглянул на него, только сказал:

– Брось пушку, Боц.

Но нет, Боц не послушал, спустил курок... Раздался щелчок, но ничего не произошло.

– Черт! – воскликнул он.

– Лови его, Иосиф! – крикнул Йозеф, несколько раз ударил Эцэля по лицу, и тот обмяк у него на руках.

Иосифа как будто ударили током. Остатки алкоголя выветрились из головы, и он бросился к Боцу. Тот рванул к черному ходу. На секунду Иосифу показалось, что дверь закрыта, он уже замедлил шаг... Но нет, она оказалась незапертой. За ней сразу шел длинный коридор, в котором бандит перешел на бег. Иосиф ринулся за ним в темноте. Он не думал ни об оружии, ни о возможных ранениях – только бы поймать преступника, только бы он снова кого-нибудь не убил. Боц добежал до двери в конце коридора, что вела в бар, и открыл ее. Иосиф увидел очертания посетителей за столиками и закричал:

– Хватайте убийцу!

В баре замешкались; раздались крики, брань и звон стекла о пол. Посетители побежали к выходу. Бармен бросился на Боца со спины, повалил его на пол и заломил руки за спину, а пистолет отпихнул в сторону.

– Это случилось восемь лет назад. Тогда я связался с шайкой Эцэля и... Ну, скажу так: сбился с пути истинного. – Йозеф затынулся. – Я был тупым сопляком, и от перспективы ходить по улицам с бандой, которая воображала себя как с Аль Капоне на районе, – конечно, я тогда чуть не лопнул от счастья. Мы в основном воровали у мелких торговцев, делали это по ночам. А однажды Эцэль нашел пушку. Об этом я узнал позже, так как к тому времени заболел, а он дальше воровал и в последней «лазейке» его поймали с поличным. Короче, он убил тогда владельца супермаркета и скрылся. Потом его, Боца и Юлиуса арестовали. Меня вызвали как свидетеля. Не было прямых доказательств моей виновности, да и те не палили меня, как и я – их. Сказал лишь, что знал их как хороших корешей и не подозревал о злодеяниях. Состоялся суд. Бабушка, как мой опекун, меня не отпустила туда, и только потом из газет я узнал, что Эцэля с друзьями отправили на семь лет в Нордеграунд – это еще смягчили срок из-за возраста: мол, глупые, молодые, семь лет в холоде точно всю дурь выбьют. Больше я их не видел... до этого дня.

Иосиф сидел напротив и молчал. На горизонте показались первые лучи солнца. Полночи друзья провели в полицейском участке, и только под утро их освободили. Вскоре они вернулись домой и уселись на кухне с чашками кофе; несмотря

на усталость, спать совершенно не хотелось. Йозеф открыл окно нараспашку и выпускал клубы дыма.

– Эй, кстати, – сказал он, – а за каким чертом ты полез в «Берлогу»?

– Я хотел сделать тебе подарок.

Иосиф полез в карман и вынул оттуда нож. Кое-как все-таки удалось доказать следователю, что он его не использовал, да и лезвие было абсолютно чистым, отпечатки пальцев только на чехле. Его вернули законному владельцу.

Йозеф кивнул и покрутил подарок в руке.

– Спасибо. Теперь не страшно на улицу ходить. – Он усмехнулся, однако поэт шутку не оценил и отправился в свою комнату.

Иосиф проспал полдня. Когда он проснулся и прошел на кухню, Йозеф уже стоял на ногах и готовил. При виде арендатора он сказал:

– Тебе, это, звонили. Ульрих звонил.

«Боже, что ему надо?» – подумал Иосиф и подошел к телефону.

Директор клуба ответил сразу:

– Какого черта, Иосиф? Снова твое имя мелькает в заголовках газет.

– Видишь ли, тут такая история...

– Ну давай, давай. Объясни мне, как ты со своим дружком задержал сына Анны Хайнц.

У поэта отвисла челюсть.

– Чего-о?

– Она уже звонила мне с угрозой. – Он хмыкнул. – Она считает, что вы двое оклеветали Эцэля, который якобы никого не убивал и вообще стал невольным свидетелем всего происходящего.

Иосиф стиснул зубы.

– О какой клевете ты говоришь? Да у него в карманах нашли двенадцать пакетиков с наркотиками!

– Она меня даже слушать не хочет и намерена подавать на тебя в суд.

– Пускай подает. Я еще о ее сыне статью напишу.

С этими словами Иосиф повесил трубку.

Глава 7

Непризнанный шедевр

28

– Да что же происходит, в самом-то деле? – плакала в трубку Жозефина. – Ни недели без скандалов! Анна мне уже все уши прожужжала, сделала из меня чуть ли не самого злейшего врага, мол, вот и познакомила ее с тобой.

Иосиф закусил губу. Жозефина позвонила ему сразу же, как только узнала о скандале из газет. Поэт вспомнил их размолвку, но не стал ничего говорить, сейчас не до этого. Он поведал даме сердца всю историю, от начала до конца. Та слушала в полном молчании, а под конец расплакалась.

– Анна тоже хороша, не намного лучше сына. Винит всех, а сама-то что? Воспитывать надо было! В итоге ты крайний. Да и я не без малого дура. И что за собака меня укусила вас познакомить тем вечером?..

– Не кори себя, Жоззи. Ты уж точно ни в чем не виновата. Будь что будет. Навряд ли она всю полицию купит, а мою вину доказать очень сложно.

– Я порвала связь с Анной. Теперь она для меня пустое место. Так еще, думаю, дочь ее добьет клуб; не сомневаюсь,

она тоже в мамашу пошла.

– Может, ты и права, но Ульрих не сможет ее прогнать – нет пока на то оснований.

– Да, он мне так же говорил.

Повисло молчание, всхлипы прекратились.

– Иосиф?

– Да?

– Я хотела бы тебе кое-что сказать насчет того утра... Ты не накручивай себя, ладно? Если хочешь, мы можем обратиться к психиатру.

Поэт закатил глаза.

– Не надо мне никаких докторов, Жозефина. Я хочу забыть ту ситуацию, вот и все. Я здоров.

– А если мы поженимся? Тогда в разных комнатах спать будем?

Иосиф вспомнил разговор с Ульрихом. Пока Жозефина не заговорила, поэт старался не думать об этом, а теперь понял: у нее в планах свадьба. Нет, рассказывать о договоре с ее сыном не стоит, а то еще обидится. К тому же сейчас не самое подходящее время.

– До свадьбы надо еще дожить.

– Ладно, поняла тебя. Ну, желаю тебе удачи и сил.

Она вздохнула и повесила трубку.

В субботу Иосиф отправился в клуб и встретил на пороге Джуту. Она нахмурилась и хотела уже открыть рот, когда поэт протянул ей статью в три листа о том происшествии. Он написал ее, тем самым хотел поделиться со своими друзьями по клубу случившимся. К тому же ему хотелось высказаться, да вот только кому? Жозефина и так нервничает, Йозеф отмахнется. Вот и остается бумага. Иосиф в красках описал тот вечер, просидел над столом всю ночь, а когда дрожащая рука поставила последнюю точку, в сердце отлегло. Словно камень с души свалился. Теперь плохие воспоминания стали строчками на клочке бумаги. Поэт мог бы ее порвать и выкинуть в урну или же поджечь на плитке, но решил поделиться с клубом. Лучше всего говорить о переживаниях с третьими лицами, они объективно оценят положение вещей и поддержат, а даже если и нет... зато на душе легче станет. В общем, Иосиф решил подкорректировать свой очерк и отнести в редакцию.

Джута прочитала рукопись и вернула ее автору.

– Извини, но сегодня я не смогу разрешить тебе вешать ее на стенд.

Иосиф поднял бровь.

– Почему?

– Сюэзен попросила.

– Но как же свобода слова?

Редактор закатила глаза.

– Слушай, свобода слова не должна ущемлять права других, ясно? Не могу же я ей отказать, тем более... это и так для нее позор, а ты еще на стенд хочешь *такое* повесить.

Не успел поэт возразить, как подошел Ульрих и пожал Иосифу руку.

– Привет, герой. Пошли, сейчас Сьюзен будет читать отрывок из своего первого романа.

Поэт вздохнул и покорился судьбе. Единомышленники встретили его удивленными взорами и молчанием. Иосиф с бесстрастным видом уселся на диван. В центре круга сидела Сьюзен – стройная девушка с темными кудряшками и в берете, как символе битников. В руках она держала кипу листов. При виде Иосифа дочка Хайнц как ни в чем не бывало сказала:

– ...Дорогие друзья, сегодня я хочу представить вам свой первый роман, он называется «Чем богаты, тем и рады». Я над ним работала почти три месяца и очень волнуюсь. Прошу оценить его.

– Просим, просим, – сказал Ульрих, и некоторые члены клуба закивали. – Прочитай нам хотя бы несколько отрывков.

Сьюзен откашлялась и начала:

– «*Слышишь, как ветер шелестит? Тебе холодно, по-ди?*» – *Нет,* – *отвечает Роза и склоняется над мусорны-*

ми баками, выпячивая зад. Она чувствует лишь приятное жжение внизу живота. – Нет, милый, мне горячо. Очень, очень горячо!” – “Мне надо передохнуть”, – говорит Джо и застегивает штаны. Роза спускает подол юбки. Джо закуривает, и она протягивает руку. “Дашь?” Он дает ей самокрутку, и оба затягиваются. Трава заглушает запах помойки, но не сильно; через несколько секунд он смешивается с ней и образует еще более невыносимую вонь. Роза ежится. “А вот теперь мне холодно! Согрей меня, Джо”. Он обнимает ее, она продолжает говорить: “Проклятый Юнг! Забрал деньги за аренду, выгнал нас и теперь нежится у камина. Джо, давай его прогоним, а?” – “И как же?” Роза нагибается и достает из прогнившей кучи мусора битую. Крепкую такую, совсем новую: даже этикетка не отклеилась. “А давай вот этим”, – говорит она».

– Что ж, очень интересно, – сказал Ульрих, когда Сьюзен замолчала.

Она улыбнулась.

– Спасибо.

Потом Хайнц прочитала еще несколько отрывков: и как Джо избил до полусмерти Юнга, и как любовники после пьяных оргий пытались доказать свое алиби полиции, мол: они якобы стали жертвами ограбления и ничего не помнят. Когда Ульрих в очередной раз похвалил Сьюзен, она сказала:

– Я очень ценю твою поддержку. Завтра обязательно отправлю рукопись в редакцию, у меня как раз там дядя рабо-

тает.

Он усмехнулся.

– Смешная шутка.

Сьюзен нахмурилась.

– В смысле? Я не шутила.

– Стой, ты что, действительно ее отправишь? Глупенькая, тебе же откажут.

Лицо Хайнц сделалось серьезным.

– На что ты намекаешь?

За Ульриха продолжила Джута – мягким, даже ласковым тоном, словно говорила с ребенком:

– Сьюзен, ты же понимаешь, что твое произведение, каким бы оно замечательным ни было, не одобрит Министерство пропаганды и цензуры. Мы бы тоже все хотели публиковаться, однако законы не на нашей стороне.

– Может, вы и не сможете, зато у меня есть связи.

– Наверяд ли ты сможешь подкупить все министерство.

Иосиф сидел и молчал. Он бы так не церемонился со Сьюзен. Иногда поэт не уставал поражаться тупостью некоторых людей и их незнанием закона. Или же их бараньим упрямством и наглостью.

Ульрих поджал губы, встал и заговорил:

– Если ты попытаешься опубликовать произведение, на тебя обратит внимание полиция, и ты это прекрасно знаешь. Никакие твои связи не помогут. Но я не могу рисковать своим клубом только ради тебя, ведь если о нашем творчестве

узнают из органов, то, вероятнее всего, нас закроют, меня и Джуту посадят. Так что выбирай: либо публикация, либо дальнейшее существование клуба. Скандал неизбежен.

Сюзен вскочила, лицо ее пылало.

– Моя мама все равно скоро вас всех закроет.

Среди толпы пронесся шепот и гул. Ульрих побагровел и молча указал на дверь. Хайнц задрала голову и, круто развернувшись на каблуках, направилась к выходу. Директор клуба сел рядом с Иосифом, и поэт услышал тихое: «Дрянная девчонка».

Он сразу вспомнил слова Жозефины.

30

С того вечера Сюзен Хайнц больше не числилась в списках клуба, и на следующий день она отправила рукопись в редакцию. Иосиф уже подходил к клубу, когда застал Ульриха с Джутой: они стояли на крыльце и курили.

– Овца! – говорил он. – Мамаша ее мне снова предъявляет: «Дочку мою испортили, а теперь на улицу выгнали. Да я вас всех позакрываю!» Короче, в полицию на нас собирается писать.

Джута ахнула.

– Так неужели клуб закроют?

Ульрих затаился.

– Вот я и хотел с тобой поговорить. Если фрау Хайнц дей-

ствительно обратиться к органам по поводу незаконного материала, то у нас будет как минимум три-четыре проверки. Редакцию ты закрываешь, со стендом и рукописями мы что-нибудь придумаем. Снова все откроешь, когда шумиха уляжется, поняла?

– Да... Эх, мы как движение Сопротивления в Третьем рейхе.

– Угу. А все из-за той овцы и ее непризнанного шедевра. Ульрих повернул голову в сторону Иосифа. Тот помахал рукой и хотел уйти, как вдруг директор сказал:

– Вечером приходи, будет собрание.

Поэт кивнул и направился домой.

...Тем же вечером пришло много народу. Ульрих кое-как уgomонил толпу и рассказал суть диалога с Джутой, вызвал тем самым настоящий ажиотаж. Слышались крики, угрозы и ругательства. Директор клуба дождался, когда толпа утихомирится, и продолжил:

– В общем, будьте готовы к тому, что Анна Хайнц напишет заявление в полицию или даже в прокуратуру. Здесь уже ни мы, никто из нас ничего не сможет сделать. Придется потерпеть проверки. Придется обойтись без редакции. Но мы вернемся в прежнюю колею, когда все закончится. Надо только потерпеть.

Толпа загудела пуще прежнего, и Ульрих в бессилии сел. В итоге нормально поговорить не удалось, и все разошлись по домам намного раньше обычного.

На следующее утро новости о конфликте между Анной Хайнц и молодежным клубом, а также о попытках Сьюзен подсунуть скандальную книгу издательствам разлетелись по всему городу. Благо на этот раз Иосифу не обивали пороги журналисты.

– Мне звонил Ульрих, – сказал поэт во время завтрака. – Ему пришла повестка на допрос, и он завтра пойдет туда.

– Он спрятал стенд? – сказал Йозеф.

– Да, и все провокационные рукописи.

– Свои забрал?

Иосиф нахмурился.

– Зачем?

– Рано или поздно и у Ульриха, и у этой Джуты проведут обыск дома.

– Я думаю, они учтут это... Надо будет спросить.

– Лучше самому забрать, иначе чуть что – сразу влетит.

– Не волнуйся, Иосиф, Ульрих перенес все к нам в подвал, – сказала Жозефина.

Иосифу удалось с ней созвониться только вечером. Поэт облегченно вздохнул.

– Ну и слава Богу! Когда смогу забрать?

– Можешь даже завтра. Обыск проведут в библиотеке через три дня, если не раньше, пока оформят там все документы. Хотя... Думаю, из-за той ведьмы (то есть из-за Анны) де-

ло пойдет намного быстрее. Кстати, слушал сегодня радио?

– Когда же? Некогда мне.

– Из-за отказа издательства публиковать провокации Сьюзен выступала по радио, читала отрывки из романа. Прямой эфир пришлось накрыть, но они разлетелись по каналам связи. Ее по-любому арестуют. Если не срок, так условно дадут.

– Да разве Анну это остановит? Скорее всего, нет, тем более машина уже запущена.

31

Сьюзен посадили под домашний арест – так передавали по радио. Но ни Иосифу, ни Ульриху легче не стало. Газеты так и пестрили заголовками: «ФРАУ ХАЙНЦ БОРЕТСЯ ЗА ДУХОВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ!», «ФРАУ ХАЙНЦ БОРЕТСЯ ДО КОНЦА!» «А вот нужна ли борьба самой молодежи?» – никто не задавался подобным вопросом, по мнению поэта. Во всяком случае ему нет дела до журналистов. Утро началось с повестки в суд, который состоится завтра, по делу Эцэля Хайнца, в качестве свидетеля.

Иосиф думал об этом целый день. Его больше волновало поведение Анны, которая непременно там будет; по-любому снова учинит какой-нибудь скандал, обвинит поэта во всех смертных грехах и заявит на него в полицию. Он уже понял, как эта женщина общается – только через органы власти, не

иначе. Йозеф оставался невозмутим, ведь скандалы с клубом его никак не касались и он мог спать спокойно.

А вот Иосиф скорее хотел со всем покончить. За ту неделю он выбился из колеи, не мог сосредоточиться ни на учебе, ни на работе. С последней он отпросился пораньше и заехал к Жозефине. Как оказалось, весь ее подвал был забит книгами и листовками. Рукописи поэта стояли ровной стопочкой на столе.

– Спасибо, – сказал поэт и поцеловал даму сердца.

Они немного помолчали.

– Иосиф, – сказала Жозефина, – завтра у вас двоих же суд?

– Да.

– У сына тоже нелегкий день: завтра в библиотеке и у него дома проведут все-таки обыск. Как я и говорила, Анна умеет ускорять процесс.

Иосиф вздохнул.

– М-да, надо набраться сил. Ну ладно, я пошел...

– Стой! – Она взяла его за руку и нежно проговорила: – Почему бы тебе не остаться? Мы же так давно не виделись, а тут еще столько забот и хлопот... Почему бы нам не побыть вместе хотя бы сегодня вечером?

Поэт покраснел.

– Даже не знаю... Я устал, надо подготовиться...

– Куда? Зачем? Иосиф, неужели ты не хочешь побыть со мной?

– Хочу, но...

– Что? Может, врача? – усмехнулась дама сердца.

Иосиф насупился.

– Я не больной. Со мной все в порядке.

– Тогда докажи это. Ради меня.

Жозефина поцеловала его сначала в щеку, а затем в губы и прижалась к нему. Поэт пробормотал: «Сейчас не самое лучшее время, поздно на дворе», но не сопротивлялся, когда она повела его в спальню.

«Какое бесстыдство!» – воскликнула бы мать, если бы узнала, как провел ночь Иосиф и в каком настроении поехал на суд – румяный и довольный. Для поэта ее слова, как и образ крупной женщины в сарафане, остался в глубинах памяти. Никто его не видит, никто ему ничего не скажет. Иосиф улыбался. Рядом сидела Жозефина в красном платье, такая же румяная, а в сторонке лежал кейс с рукописями, дабы по несколько раз не возвращаться за ним. Часы показывали без пятнадцати десять – скоро начнется суд. На мерседесе поэт и его дама сердца доехали до здания суда, возле которого уже толпился народ. Дул ледяной ветер, опавшие листья прилипали к ногам, по лужицам то и дело проходила рябь. Йозеф же стоял в сторонке и курил. Иосиф поздно вечером позволил ему и сообщил о ночевке у дамы сердца, на что Ренау усмехнулся, но не стал ничего говорить.

Он кивнул Иосифу и Жозефине, указал на толпу и сказал:

– Вот она, приехала тут и начала каркать перед журнали-

стами.

– ...Сын попал под дурное влияние общества! – слышался знакомый голос. – К сожалению, в преступлении мы готовы обвинить преступника, при этом даже и не подозреваем, какие причины сподвигли его на это. Разве может быть виноват только один человек? Я считаю, что нет. Я считаю, за одним преступлением кроется упадок нравственных устоев в нашем обществе...

– Извините, – сказал один журналист, – а как вы прокомментируете скандальную выходку вашей дочери? Она знала, что читать подобные произведения по радио – преступление?

– Я могу сказать лишь так: на подобные поступки влияет соответствующее окружение. Знаете, все те игры на спор, кто кого...

– Ваша дочь, насколько мне известно, – сказал второй журналист, – под домашним арестом. Что она говорит о ситуации в целом?

– Она осознала свою ошибку и сожгла на моих глазах роман. Также Сюзен просит прощения, и я ее, как мать, понимаю. У нее есть шанс все исправить, а вот у сына... – На ее глазах блеснули слезы. – Извините, скоро начнется заседание.

Анна бросилась наверх, следом поплелся Вельгус. Журналисты остановились у входа и загудели. Иосиф, Йозеф и Жозефина незаметно попытались пройти мимо них, однако

не получилось.

– Уделите минуту!

– Можно интервью?

– Да стойте!

Однако все трое ринулись ко входу и скрылись за дубовой дверью.

32

Суд вынес приговор: шесть лет каторжных работ в Нордеграунде. Вельгус сидел и тихо утирал слезы платком, на лице Анны не дрогнул ни один мускул, однако глаза увлажнились. Невольно Иосиф позавидовал такой стойкости. Вскоре все направились к выходу. У порога Жозефина, которая все это время дожидалась поэта, свернула к телефонной будке и скрылась за ней, дабы позвонить сыну. Йозеф снова закурил, ведь заседание шло без перерыва целых два часа. У Иосифа затекли конечности, и теперь он подпрыгивал на месте, ощущая, как кровь циркулирует по телу. Журналистов стало меньше, а оставшиеся, которые изголодались по сенсации, останавливали любых участников процесса. Иосиф заметил их поздно: они группой направлялись к нему. Один толстячок бежал впереди всех и на ходу говорил: «Стойте-стойте-стойте-стойте!» Поэт едва повернул к нему голову, как тот врезался в него и они вдвоем кубарем покатались по лестнице. Кейс отлетел в сторону. Боль током прошла по спи-

не и в бедрах. В глазах потемнело, Иосиф застонал и перева-
лился на бок. Журналист тут же вскочил и отпрянул в толпу,
его коллеги окружили поэта полукругом и защелкали фото-
аппаратами.

Иосиф побагровел и вскочил, толпа поддалась назад.

– Хватит меня снимать!

Неожиданно до него донесся голос Йозефа:

– Эй, живо положил!

– Стоп, что это?

Второй голос принадлежал Анне. Не заметив возле себя
рукописей, поэт взобрался на ступеньки и застал такую сце-
ну: Вельгус и Йозеф стояли напротив друг друга, намертво
вцепились в ручку кейса, а под ногами валялись листовки.
Одну из них Анна вертела в руке и читала. Через полупро-
зрачную, тонкую бумагу Иосиф рассмотрел надпись задом
наперед: «!ЦЕНОКАН Ж МЕНАТССОВ». Сверху: «ЕФФЯ
ФИСОИ»

Сердце гулко стучало у самого горла, когда он вырвал ли-
сток из рук Анны Хайнц и сказал:

– Брать чужие вещи нехорошо, мадам.

Она заулыбалась и со словами «Все преступники так го-
ворят» спустилась вниз, где ее окружила толпа журналистов.

Эпилог

В этот же вечер Иосифу позвонили из полиции и попросили прийти. Жозефина, которая гостила у Йозефа до вечера, поехала с поэтом. Возвращались они два раза. Сначала с бригадой, проводили обыск: в комнате Иосифа нашли кейс, и полицейские с подозреваемым уехали. Второй раз Жозефина и Иосиф вернулись в полночь, уже без сопровождения. Йозеф, которому не спалось, засыпал их вопросами. Есть две новости: хорошая и плохая. Плохая: у Иосифа изъяли кейс. Хорошая: Жозефину не привлекут к ответственности, сложно доказать ее вину или хотя бы соучастие. К тому же в течение дня она успела позвонить сыну, рассказать всю ситуацию и попросить на всякий случай перепрятать рукописи. Благо обыски в доме закончились и Ульрих может перетащить произведения к себе, пока проверки в библиотеке не завершились.

Тем не менее Иосифу как минимум грозит штраф, если не условный срок. Поэт выглядел бледным и уставшим, он плюхнулся на диван и даже не отказался от коньяка, предложенного Йозефом.

– Вся жизнь под корень – разом! – говорил он, отхлебывая из горла. – Я эту Анну...

– Не надо, успокойся, – сказала Жозефина и под села к нему. – И хватит пить, делу не поможет.

– Легко говорить. Теперь меня выгонят из института, я не смогу никуда устроиться...

– Не переживай ты так... Ну, если все будет совсем плохо, я помогу тебе пристроиться куда-нибудь, даже к знакомому в редакцию. Я всегда буду с тобой. – Она тронула его за плечо. – Ты веришь мне?

Он кивнул и отодвинул бутылку в сторону.

– Угу, верю... Прости за то, что я оставлял тебя в трудную минуту и заставлял нервничать.

– Ничего страшного. Главное, что мы теперь вместе.

– Я всегда буду с тобой. Ты мне тоже веришь?

– Ну конечно, глупенький!

– Тогда выходи за меня, Жоззи.

– То есть как? Ты сделал ей предложение? Но у нас же был уговор.

– Мне ваш клуб уже надоел.

Ульрих замолчал. Иосиф слышал лишь помехи на другом конце провода, пока директор клуба не заговорил вновь:

– Но почему? Ты же побыл у нас совсем немного, столько приключений было...

– Ага, и эти приключения довели меня до скамьи.

– Хе, и как же ты раньше пренебрегал моей матерью? Что изменилось за два с половиной месяца? Я понимаю, это не мое дело, но я все-таки ее сын, имею право знать.

Иосиф вздохнул и заговорил:

– Во-первых, тогда я не думал о браке серьезно. Во-вторых, да, изначально твой клуб был для меня предпочтительнее. Когда я попал туда, не мог поверить своему счастью. Вы мое творчество ценили, слушали, как и я вас. Но со временем я понял, что клуб – это временно. Так же временно, как редакция, институт. Я могу писать и без всего этого, я не стремлюсь зарабатывать, не нужно мне признание. Да, слова звучат сентиментально и противоречат моим прежним убеждениям, но все равно бы большинство рукописей не пропустила цензура, и они в итоге загубили меня. В-третьих, я понял свою ошибку: я пренебрегал Жозефиной. Когда ей было плохо, меня рядом почти не было, и мне очень стыдно. Она меня любит – по-настоящему, искренне. Я, дурак, понял это только сейчас. Я ее люблю. После суда у меня ничего не останется, все двери в будущее, кроме завода, закроются, а любящий человек никогда не бросит. К тому же не собираюсь я жить с таким вопросом: «Навредит ли клубу мое решение или нет?»

– Слушай, последнее – это уже настоящий эгоизм. В клубах нет «меня» – есть только «мы».

– Вот я и хочу отказаться от «нас». Да, я твердо принял такое решение; к тому же ты бы меня с судимостью выгнал. – Иосиф усмехнулся. – Разразился бы еще больший скандал, чем при известии о браке. Так что позор в вашем свете для меня все равно неизбежен.

– Но как же мама? Если говорить напрямую, она выйдет

замуж за судимого юношу, который годится ей в сыновья. Ты о ней подумал? Что с ней будет в обществе?

– Она согласилась, ее выбор. Я не хочу никого позорить, мы просто любим друг друга. Через неделю свадьба, мы тебя приглашаем. Теперь я буду твоим отчимом.

Наступило молчание. Послышался на другом конце провода вздох и тихое: «Не дай Бог...»

– Ладно, – сказал наконец будущий пасынок. – Я понял тебя, твое дело, твое право. Я не полезу в вашу жизнь. Только пообещай одно.

– Да?

– Я придумал алиби для клуба, и ты, пожалуйста, не подведи. Ты не показывал нам «революционные» стихи, только работал в редакции и писал филологические заметки, статьи и стихи про любовь. Джута это подтвердит, не волнуйся, материалы все есть. Следовательно, прямых доказательств причастности клуба к твоему делу нет, а некоторые nepозволенные для министерства статьи я сжег, сделаем все по новой.

– Хорошо.

Иосиф попросился и повесил трубку. Он чувствовал на душе облегчение и даже гордость, словно спас человека. И этот человек – он сам, беда —самопожертвование тому, что временно и уж точно настоящего счастья не принесет.

Неожиданно к Иосифу подошел Йозеф и сказал:

– Слушай, я понимаю, дела и все такое...

Арендатор кивнул и отдал ему несколько купюр – оплату за месяц.

– Я расторгаю контракт. Завтра я уезжаю к ней жить.

Арендодатель поднял бровь. Он уже привык к арендатору и отдельным бритвам. К тому же съезд случился спонтанно и намного раньше запланированного времени.

Зато денег за те два с половиной месяца прибавилось – почти семнадцать марок. Можно съездить на море на целых две недели, а Иосиф и Жозефина проведут вместе медовый месяц. Но все мечты – после следствия, а пока Йозеф проходил по делу Иосифа как подозреваемый: мол, вроде бы знал и ничего не сообщил.

– Я тебя понял, – сказал Ренау. – Только, если что, как-нибудь увидимся?

Иосиф улыбнулся.

– Непременно. Можем приходить друг к другу в гости.

– Договорились.

...Суд все-таки неизбежен, ибо слишком много рукописей оказалось в кейсе. Клуб и Йозеф остались вне подозрений. Иосифу удалось доказать, что он писал «чисто для себя», «в стол», показывал только самые безобидные стихи про природу и любовь, которых было большинство. А «революционные» рукописи он привез в день заседания для того, чтобы потом не заезжать домой и сразу продать их за углом, на ярмарке книг, заработать тем самым побольше денег. Как бы то ни было, ему присудили «хранение запрещенного к показу

материала» и назначили год условно, с исправительными работами по выходным. Сюзен также вынесли приговор: два года в колонии.

Иосиф ушел из клуба в тот же день после разговора с Ульрихом, а на следующий день после суда его исключили из института. Через неделю состоялась свадьба. Народу оказалось немного, в основном только хорошие знакомые и близкие люди, даже родственники Иосифа пришли (семья осталась довольна его выбором «опытной и обеспеченной невестки»). После торжества поэт окончательно поселился у Жозефины. Йозеф сразу укатил на две недели в Италию. Ульриху удалось восстановить честь клуба, даже несмотря на скандал со свадьбой его матери. Фрау Анна Хайнц больше не боролась с молодежью за духовность, ведь, по ее словам, «такое понятие в нашем обществе давно исчезло».